

ЧЕРТЫ ЮЖНОРУССКОЙ НАРОДНОЙ ИСТОРИИ.

III.

О судьбѣ народа въ западной части Южнорусской земли сохранились вообще отрывочныя и скудныя извѣстія; изъ нихъ однако видно, что въ XI и XII вѣкахъ этотъ край, пограничный къ Польшѣ и Угріи, былъ предметомъ нападений со стороны этихъ странъ, и народъ нерѣдко подвергался ѣдствіямъ разореній. Во время борьбы Владиміра и Ярослава съ Польскими королями, Червенскіе города земли Южнорусской переходили то въ тѣ, то въ другія руки. Сцена борьбы Ярослава съ Болеславомъ по-поводу Святополка разыгрывалась на Бугѣ. Какъ этотъ фактъ отражался на судьбѣ народа, видно изъ любопытнаго разсказа, сохраненнаго у Длугоша, что въ 1025 году Ярославъ погналъ жителей края, прилежавшаго къ Червеню, въ Кіевскую землю и поселялъ ихъ на Поросьи (Поретъ); съ другой стороны, Болеславъ мстил русскому народонаселенію этого же края за тяготѣніе къ Кіеву, бралъ знатѣйшихъ людей и переселялъ ихъ въ Польшу. Судьба по-Дибѣтрянскаго края и Покутья остается въ совершенной неизвѣстности. Кажется, они были независимы, ибо переселеніе жителей изъ отдаленнаго края поближе къ Кіеву показываетъ, что князья Кіевскіе мало имѣли возможности удержать въ повиновеніи себя такой отдаленный край. Когда Болеславъ помогъ Изяславу и возвращался изъ Кіева въ Польшу, то по дорогѣ напалъ на Червоную Русь, на берегу Сана. Изъ извѣстій, сообщаемыхъ объ этомъ событіи Длугошемъ (стр. 822, т. 3, Collect. Historiar. Pol.), не видно, чтобы жители Червонной Руси находились тогда подъ властію Кіевскихъ князей. Кажется, что они были совсѣмъ независимы и только вельдствие однова-

родности показывали тяготѣніе къ Киевской Руси. Король Польскій хотѣлъ насильственными средствами отвратить ее отъ этого тяготѣнія и подчинить Польшѣ. Страна около Сана была уже значительно населена; жители жили въ деревняхъ, но имѣли укрѣпленные города, куда могли убѣгать вѣлучаѣ опасности; такихъ городовъ было нѣсколько на берегу Сана. Народъ однако былъ вообще невоинственный, мирный; Поляки легко могли его покорить, города сдавались отъ страха: нѣкоторые и рѣшались было защищаться, да скоро принуждены были къ повиновенію силою; а другіе сами поспѣшили выговорить себѣ льготы добровольною сдачею. Около Перемышля было сгущено народонаселеніе, и городъ Перемышль, главный между прочими, градъ между пригородами въ Посанщинѣ, былъ крѣче другихъ: туда убѣгало болѣе, чѣмъ въ другіе города, жителей. Они укрѣпили его на сколько по тогдашнему умѣли: городъ обвели глубокими рвами и земляными высокими валами, а съ одной стороны онъ прилегалъ къ рѣкѣ Сану; здѣсь эта рѣка служила естественною защитою, тѣмъ важнѣйшею, что въ то время, какъ Поляки осадили Перемышль, вода въ рѣкѣ Санѣ переполнилась отъ дождей. Поляки, какъ слѣдовало по тогдашнему образу веденія войны, стали разорять деревни, жечь хлѣбъ на поляхъ и забирать скотъ. Край былъ обиленъ и богатъ. Поляки набрали въ свой лагерь много запасовъ. Перемышль состоялъ, по общему обычаю Славянскихъ городовъ, изъ двухъ частей: замка или града и собственно города (мѣста, посада). Не только замокъ, но и послѣдняя часть была укрѣплена. Поляки овладѣли сначала частью посада, который выходилъ въ открытое поле, а потомъ, на четвертый день осады, и вѣсъ посадомъ, и осадили замокъ. Тамъ было множество народа и такъ много женщинъ съ дѣтьми, что осажденнымъ невозможно было долго прокормиться запасами, особенно послѣ того какъ все, находившееся въ городѣ досталось Полякамъ, и такимъ образомъ они принуждены были сдаться отъ голода и болѣзней. Польскій король сдѣлалъ Перемышль еще крѣче и поставилъ тамъ польскій гарнизонъ для обладанія покоренною странюю.

Этотъ рассказъ можетъ намъ указывать вообще на способъ веденія войны въ то время и на способы покоренія и подчиненія народовъ. Коль скоро городъ, владычествовавшій надъ краемъ, доставался въ чужія руки, и весь край сельскій долженъ былъ покоряться, какъ по прежней привычкѣ зависѣть отъ своего главнаго мѣста, которое владѣло городомъ, такъ равно и по физической необходимости оставаться ему въ покорности; ибо военная сила, установившись въ городѣ, всегда готова была умирять оружіемъ всякое неудовольствіе сельскихъ жите-

лей. Въ 1073 году, Болеславъ, подъ видомъ помощи Изяславу, покушался овладѣть цѣлою страною Волынскою, но жители не имѣли добровольнаго тяготѣнія къ Польшѣ: страну Волынскую надобно было покорять. Поляки, прежде чѣмъ овладѣли крѣпкими замками, опустошали окрестныя села, сожигали жилища, жгли на поляхъ хлѣбъ, грабили и убивали скотъ, толпами гнали жителей въ плѣнъ; король дарилъ побѣжденных въ неволю своимъ войнамъ. Видно, что это были тяжелыя времена для края. Народъ разорялся и терялъ свободу. Трудно было ему защищаться. Край былъ населенъ деревнями (*frequentes habens vicos*), городки ихъ были бревенчатые и только тѣмъ держались, что для нихъ мѣста выбирались самыя высокія. Историкъ польскій говоритъ о взятіи трехъ городовъ: Владимира, Волыня (?) и Холма. Сначала покорилъ король землю собственно Волынскую, потомъ Владимирскую. Устрашившись опустошеній, причиняемыхъ Поляками, князь Владимирскій, котораго называетъ Длугошъ Георгіемъ (или Григоріемъ, 1074), долженъ былъ признать себя данникомъ Болеслава. Длугошъ повѣствуетъ, что Всеволодъ (вѣроятно, Святославъ) вышелъ противъ него, хотѣлъ вырвать Волынскую землю изъ рукъ польскихъ, не могъ этого сдѣлать и самъ былъ разбитъ. Но край этотъ, не имѣя тяготѣнія къ Польшѣ, склонялся, напротивъ, къ Кіеву. Неизвѣстно, какъ этотъ завоеванный Поляками край опять перешелъ къ Русскимъ князьямъ. Вѣроятно, воспользовались разстроеннымъ состояніемъ Польши послѣ Болеслава. Волынь досталась опять Кіеву, но кіевскій князь сажалъ тамъ своихъ посадниковъ или другихъ подручныхъ князей. Такъ сначала владѣлъ тамъ Ярополкъ, сынъ Изяслава, а потомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ замышляетъ измѣну противъ кіевского князя, сослали его. Луцкъ добровольно призналъ княземъ Владимира Мономаха. Владимиръ данъ Давиду Игоревичу, котораго отецъ тамъ княжилъ, назначенный туда отцомъ, Ярославомъ. Ярополкъ повелъ на него Поляковъ, но былъ убитъ измѣннически. Въ концѣ XI вѣка Волынскій край терпѣлъ опустошеніе отъ Половцевъ, Поляковъ и Угровъ, по поводу междоусобной войны южнорусскихъ князей вслѣдъ за ослѣпленіемъ Василька. На сторонѣ Давида былъ Бонякъ Шолудивый съ ордою; на сторонѣ Святполка — Поляки и Угры. Во Владимирѣ княжилъ сынъ Изяслава. Волынь съ тѣхъ поръ осталась навсегда въ соединеніи съ Кіевомъ; тамъ-то появлялись особые князья, то опять княземъ Владимира дѣлался Кіевскій. Такъ, на примѣръ, въ 1123 году Владимиръ отдалъ Андрею, потомъ въ 1136 году Изяславу Мстиславичу. Владимиръ сталъ главнымъ городомъ Волынской земли. Случалось, что пре-

тенденты призывали Поляковъ, и тогда сельскій край страдалъ. Такъ Ярославъ Святополчичъ, внукъ Изяслава Ярославича, котораго родъ былъ въ связи съ польскимъ домомъ, привелъ Поляковъ и Угровъ; но его постигла неудача.

Во время борьбы Изяслава Мстиславича съ Ольговичами и съ Юріемъ, Волынь служила Изяславу убѣжищемъ въ случаѣ неудачи; онъ нѣсколько разъ туда убѣгалъ, прогнанный изъ Кіева, и снова ворочался, набравши силъ. Волынь осталась за сыновьями его и перешла къ внуку его, Роману, который соединилъ съ Волынской землею, подъ однимъ управленіемъ, и Галицкую землю.

Червоная Русь, по освобожденіи отъ власти Поляковъ, начала имѣть своихъ князей Ростиславичей. Какимъ образомъ фамилія Ростиславичей тамъ явилась—неизвѣстно, но кажется, что они были призваны, ибо Червоная Русь всегда сохраняла преимущественно предъ другими полную свободу и тамошніе князья были болѣе ограничены, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ и въ Новгородѣ. Жители этой страны должны были терпѣть отъ междоусобій по поводу ослѣпленія Василька, но еще болѣе по поводу частыхъ войнъ съ Поляками. Такъ, Длугошъ рассказываетъ (относя это неправильно къ 1125 году), что по поводу ссоры Володаря съ Поляками, Поляки опустошили огнемъ и мечемъ Русскую землю, истребляли села и города, убивали людей. Когда Поляки взяли въ плѣнъ русскаго князя хитрымъ образомъ, по Длугошу — Ярополка, а по соображенію съ нашими лѣтописями — Володаря, съ обѣихъ сторонъ разразилась разорительная народная вражда. Галичане, врываясь въ польскіе предѣлы до Вислы, истребляли безъ состраданія людей, безъ различія возраста, пола и званія, и все сожигали. Потомъ Болеславъ Кривоустый распустилъ свое войско по Руси и началось, по словамъ лѣтописца, убійство многихъ: убивали и старыхъ и малыхъ, мучили невинныхъ, и то была ярость, а не справедливая война. Никому не давали пощады, даже не велѣно брать выкупа за жизнь непріятеля (Длуг. 953).

Когда дѣти Ростислава вымерли въ первой половинѣ XII вѣка (1141 г.) Червонорусская земля, прежде раздѣленная на удѣлы, соединилась подъ властію одного князя (Володимирка) Володаревича. Въ его политикѣ является очевидное стремленіе обособиться и не поддѣжать власти Кіева, хотя впрочемъ безъ совершеннаго нарушенія связи съ домомъ, владѣвшимъ Русью. Въ этомъ отношеніи, личное стремленіе князя совпадаетъ со стремленіемъ страны, сознававшей свою отдѣльность. Такое стрем-

леніе раздражило русскія области, ибо въ 1144 году изъ нѣсколькихъ земель двинулись на Галичъ ополченія съ цѣлю принудить Червоную Русь и съ нею князя ея наравнѣ съ другими областями русскаго міра признавать старѣйшинство кіевскаго князя. Кромѣ Русскихъ, участвовали въ этомъ дѣлѣ иноземцы; на сторонѣ князей были Поляки; Владимиръ призвалъ Угровъ. Тутъ открылся путь иноземцамъ на будущее время вмѣшиваться въ дѣла Червонной Руси и рѣшать ея судьбу: это повторялось современемъ много разъ. Сила была на сторонѣ русскаго ополченія, но Владимиръ зналъ, что Всеволодъ хочетъ упрочить за своимъ братомъ Кіевъ и обѣщалъ послѣднему помогать; это повело къ примиренію съ кіевскимъ княземъ: Владимиръ долженъ былъ заплатить ему 1400 гривенъ серебра — огромная сумма. Такимъ образомъ дѣло червонорусское было проиграно. Не могло это нравиться галичанамъ; во-первыхъ, плата такой большой суммы должна была лечь на страну, во-вторыхъ, Галичъ со всею землею долженъ былъ признать зависимость отъ Кіева. Составилась партія противъ князя. Воспользовались случаемъ, когда Владимиръ уѣхалъ въ Тисменицу на охоту. Охота у князей въ то время была тотъ же походъ. Недовольная партія приглашаетъ племянника Владимірова Ивана Ростиславича, изъ Звенигорода. Но согласія въ этомъ дѣлѣ не было. Сильные приверженцы оставались за Володимиркомъ. Такимъ образомъ, открылась междоусобная война: она была, какъ всегда, жестока, ибо Владимиръ долженъ былъ три недѣли осаждать Галичъ. Наконецъ городъ былъ взятъ. Владимиръ многихъ изъ своихъ противниковъ изрубилъ; другіе казнены лютою смертію. Это не слѣдуетъ приписывать личности самого Владимира, ибо онъ былъ орудіе партіи, которая имѣла его на челѣ своемъ, какъ это показывается въ послѣдующихъ его дѣйствіяхъ. Иванъ убѣжалъ въ Кіевъ. Кіевляне, со вспомогательными дружинами другихъ земель, явились снова въ Червонную Русь водворять Ивана, но въ Звенигородѣ приверженцы Владимира отделились.

При Изяславѣ Мстиславичѣ Владимиръ постоянно держалъ сторону Юрія Долгорукаго, и старался изъ этой борьбы извлечь мѣстную пользу присоединеніемъ мѣстностей. Изяславъ возбудилъ ему опасныхъ и сильныхъ враговъ въ сосѣдяхъ Уграхъ. Галичъ во всеобщей сумятицѣ успѣлъ захватить города: Тихомль, Шумскъ, Выгошевъ, Гнойницу (Ипат. 69), которые русскій князь считалъ принадлежащими къ Волини. Но послѣ Игоря, Изяславъ одолѣлъ Юрія съ Уграми; онъ вошелъ въ Червонную Русь и пустилъ ратниковъ, т. е. разорителей, по странѣ. Тогда Володимиръ принужденъ былъ смириться и обѣщалъ возвратить захва-

ченныя города, но не исполнилъ обѣщанія и не могъ его исполнить, ибо дѣло было народное; бояре галицкіе не дозволяли ему, ибо хотѣли расширить свою землю. Владимиръ умеръ внезапно и смерть его считалась признакомъ божія наказанія за клятвопреступленія. Сынъ его Ярославъ, признанный послѣ него княземъ, готовъ былъ мириться и признавалъ Изяслава сына рѣшеніе; но бояре, защищая дѣло своей земли, насильно вовлекли его въ войну. Русскіе и Волынскіе полки и Черныя Клобуки вступили въ Червоную Русь къ Тереховлю. Галичане говорили своему князю: ты еси молодъ, поѣди прочь и насъ позоруй: дѣло было земли, а не князя. Галичане были разбиты и тяжело наказаны. Русскіе набрали плѣнниковъ столько, что число ихъ превышало дружину, бывшую съ Изяславомъ, и кіевскій князь приказалъ всѣхъ побить. Это не казалось безчестнымъ и ужаснымъ. Бысть плачь по всей землѣ галицкой, говоритъ лѣтописецъ. Неизвѣстно, въ чьей власти оставались послѣ того города спорные. Княженіе Ярослава оспаривалъ претендентъ его, двоюродный братъ Иванъ Берладникъ; русскіе князья помогали ему, иногда употребляя его какъ пугало противъ Ярослава. Князь Юрій Долгорукій, которому нужна была помощь Галичанъ, хотѣлъ было выдать этого изгнанника, но митрополитъ уговорилъ не дѣлать этого. Изяславъ Давидовичъ принималъ его сторону, получивши кіевскій столъ. Была и въ самой Червонной Руси партія недовольная Ярославомъ и готовая пристать къ противнику. Когда Изяславъ Давидовичъ въ 1159 году собирался противъ Галича и приглашалъ къ союзу Черниговскихъ князей, изъ Галича одна партія прислала тайно къ нему грамоту, извѣщая, что есть люди недовольные Ярославомъ и готовые пристать къ Ивану. Но большая часть галичанъ оставалась вѣрна Ярославу; галичане соединились съ волынцами и успѣшно содѣйствовала изгнанію изъ Кіева самого Изяслава. Когда Андрей, князь Владиміра Залѣскаго, сталъ возвышаться и явно оказывать стремленіе къ гегемоніи надъ князьями, галицкая политика измѣнилась и уже не придерживалась сына Юрьева такъ, какъ нѣкогда отца, а напротивъ галичане являются на сторонѣ Изяслава Изяславича, оспаривавшаго Кіевъ у суздальскаго князя съ волынцами. Кажется, что галичане играли въ этихъ послѣднихъ междоусобіяхъ второстепенную роль, но тогда мѣстный характеръ ихъ сталъ обозначаться. Галичъ примыкаетъ тѣснѣе къ кругу Южной Руси; до тѣхъ поръ, не желая подлежать Кіеву, червоноруссы примыкали къ отдаленной суздальской сторонѣ; но когда въ суздальской землѣ явилось посползновеніе на подчиненіе всей Южной Руси и въ томъ числѣ Червонной, Галичъ уже дѣйствуетъ заодно съ Кіе-

вомъ и Волиныю. Какъ дѣло касалось предпріятія, имѣвшаго цѣлю интересъ всей южнорусской земли, — Галичъ посылалъ свою помощь. Такъ когда въ 1166 году киевляне, полѣсчане и волинцы со своими князьями выходили изъ Канева для обереганія торговаго пути купцевъ изъ Греціи (дондеже взыде Гречининъ и залозникъ, Ип. л. 94), — и галицкая помощь находилась съ другими ополченіями южнорусскихъ земель.

Волинь разбилась тогда на многія мелкія владѣнія; былъ свой князь въ Луцкѣ, были свои князья въ Бужскѣ, въ Дубровицѣ, Пересопницѣ. Одни княжества возникали, другіе исчезали, не оставляя большого вліянія на народную жизнь, не измѣняя ея теченія. Но при раздробленіи волинской и польской земель рѣзко выдавалось единство Червонной Руси и при большемъ паденіи Кіева политическое значеніе Галича выказалось силою обстоятельствъ даже безъ задуманнаго плана.

Галичъ получилъ значеніе старѣйшаго города, и князь галицкій, какъ будто силою обстоятельствъ, самъ доходилъ къ достоинству старѣйшаго князя. Пѣвецъ Игорьевъ, современникъ, такъ характеризовалъ Ярослава: Галицкы осмомысле Ярославле! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ; подперъ горы угорскыи своими желѣзными плѣкы, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, мечя времени чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грады твоя по землямъ текутъ, отворяеши Кіеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола за землями. Ясно изъ этого, что современники считали могущественнымъ галицкаго князя. Галицкая земля, то есть принадлежавшая Галичу, была обширна и заключала въ себѣ плодородныя пространства по Днѣстру, Сану и Пруту до горъ. Дунайское устье было въ рукахъ Галича. Вѣроятно, Бессарабія и берега Черноморскіе принадлежали ему, ибо уже было свободное плаваніе съ Дуная и Днѣстра по морю и въѣздъ въ Днѣпровское устье. Было много условій зажиточности обитателей. Почва Червонной Руси способна для земледѣлія и скотоводства; рѣки, въ то время судоходныя, вели къ сообщенію съ Дунаемъ и моремъ. Это способствовало торговли съ Югомъ. Кромѣ хлѣба, скота и кожъ, которые отпускала Червонная Русь, важнѣйшимъ туземнымъ продуктомъ была соль изъ Бакуты. На Черномъ морѣ у галичанъ была пристань Олешье при устьѣ Днѣстра; тамъ образовался складъ для торговли съ югомъ; оттуда товары шли по Днѣстру и снабжали города, густо лежавшіе рядомъ одинъ за другимъ вдоль этой рѣки. Но положеніе галицкой земли въ отношеніи политической самостоятельности было очень опасно: двое сосѣдей каждочасно готовы были наложить руки на Червонную Русь, — Поляки, уже издавна то овладѣвавшие

ею, то терявшіе ее, и Угры. Быть может эти обстоятельства сближали Галичъ съ греческимъ міромъ; такъ одному царевичу греческому дали въ управленіе нѣсколько городовъ Червонорусской земли.

Очевидно, что для поддержанія самобытности, Галицкая Русь должна была вступить въ болѣе тѣсное единство съ остальною южной Русью, чтобъ взаимными силами охранить себя. Теченіе обстоятельствъ вело къ этой связи. Жизнь народная подвергалась опасности наравнѣ съ политическою самобытностію. Галицкая земля при первой возможности должна была стать мѣстомъ столкновенія нѣсколькихъ враждебныхъ силъ, театромъ войны, а тогда плохо было жителямъ того края, куда сойдутся драться между собою народы. Единвластный принципъ былъ тогда чрезвычайно слабъ. Князь галицкій былъ совершенно княземъ постарославянской идеѣ. Завоеваніе, какъ видно, коснулось слишкомъ мало и непрочно Хорватовъ. Князья, правившіе Галичемъ, были избираемы и зависѣли отъ вѣча; полчища кочевыхъ ордъ были отъ него далѣе, чѣмъ отъ Кіева; смѣшеніе съ тюркскими племенами и въ десятую долю не доходило до той степени какъ въ Кіевѣ; народность оставалась болѣе ненарушенною. Отъ этого и древнія начала свободы удержались тамъ долѣе и развивались по славянскому образцу, съ славянскими достоинствами и пороками. Какъ ни скудны наши лѣтописи подробностями внутреннихъ причинъ, какъ ни часто ставить на челѣ разсказа одни лица, не показывая — на чемъ держалась матеріальная сила этихъ лицъ, но и изъ такихъ извѣстій можно видѣть, что понятіе о князѣ въ Червоной Руси никакъ не доходило даже до первыхъ признаковъ царственного значенія и ограничивалось значеніемъ его какъ предводителя войска и правителя, совершенно зависящаго отъ вѣча. Галичане были судьями дѣйствій своего князя, какъ политическихъ, такъ и домашнихъ. Прежде было сказано, какъ по смерти Володимирка, Ярославъ хотѣлъ мириться съ Изяславомъ Мстиславичемъ и готовъ былъ исполнить клятву, данную отцомъ, но Галичане не дозволили ему отдавать захваченныхъ городовъ. Ярославъ былъ зависимъ и въ семейныхъ дѣлахъ. Онъ поссорился съ женою и взялъ себѣ любовницу и прижи тѣ отъ послѣдней сына Олега. Княгиня съ державшими ея сторону боярами убѣждала съ сыномъ въ Польшу. Галичане лишили своего князя свободы, перебили его пріятелей и сожгли любовницу, воротили княгиню и привели князя своего къ кресту, *яко ему имати князю въ правду*. Черезъ два года снова убѣждалъ сынъ Ярослава въ Луцкъ; на этотъ разъ Ярославъ нанялъ Ляховъ за 3,000 гривенъ серебра и принудилъ луцкаго князя отпустить отъ себя немилаго сына Ярославова. Вотъ и здѣсь, какъ уже ви-

дѣли мы въ Кіевѣ, сосѣдство чужеземцевъ и возможность приводить иноземные полки могли доставлять князьямъ возможность дѣйствовать по своимъ видамъ вопреки народному желанію. Видно, что въ Галичѣ Яр. мало могъ найти приверженцевъ, когда обратился къ иноземной помощи. Безъ сомнѣнія, это вмѣшательство чужеземныхъ полковъ, приводимыхъ княземъ, должно быть однимъ изъ элементовъ разрушительно дѣйствовавшихъ на единство и саморазвитіе народного духа. Сынъ Ярославовъ, преслѣдуемый отцемъ, переходилъ отъ князя къ князю и дѣлался ихъ игрушкою, такъ что они одинъ другому уступали его и готовы были выдать его отцу, когда нуждались въ союзѣ съ нимъ, пока наконецъ сѣверскій князь Игорь примирилъ его съ отцомъ. Въ 1187 году, Ярославъ, умирая, просилъ Галичанъ утвердить его распоряженіе о назначеніи Галича Олегу, меньшему сыну, а старшему Перемышля. Галичане не хотѣли раздражать старика; хотя быть можетъ находилось тогда мало соглашавшихся на его распоряженіе, они уступили, но по смерти Ярослава, Олега выгнали и посадили Владиміра. Черезъ годъ Владиміра, за пьянство и развратное поведеніе, выгнали и призвали Романа Волинскаго. Володиміръ ушелъ въ Угры, но король угорскій вмѣсто того, чтобъ помогать ему, засадилъ его въ башню, а въ Галичѣ посадилъ своего сына. Романъ принужденъ былъ бѣжать съ толпою Галичанъ.

Такъ Червоная Русь подпала подъ власть иноплеменниковъ. Состояніе народа въ это время выказывается изъ словъ польскаго лѣтописца: Угры перебили много Галичанъ, противныхъ новому порядку, роздали имѣнія и должности своимъ, отстраняя Галичанъ, Галичане вездѣ были угнетены, порабощены, унижены (Dlug. h. VI). Владиміръ, убѣжавши изъ башни и скитаясь въ Германіи, пришелъ наконецъ въ отечество и съ шайкой удалцовъ дѣлалъ разоренія въ предѣлахъ Червоной Руси и въ Польшѣ. Эта разбойничья шайка насилowała дѣвицъ и женщинъ, не щадила маленькихъ дѣтей, убивала священниковъ въ священныхъ одеждахъ во время богослуженія (Cadlub. гл. 1). Лѣтопись русская говоритъ: *у мужей Галичкихъ почаша отымати жены и дщери на постель къ собѣ, и въ божницахъ почаша кони ставляти.* (Ип. 138). Между тѣмъ въ Галичѣ образовалась партія, находившая себѣ выгоду въ иноземномъ владычествѣ. Явилась другая, призывавшая сына Берладникова, Ростислава. Король, чтобъ держать тверже свою власть, отвелъ въ Угрію родственниковъ знатнѣйшихъ семей, и они теперь должны были по неволѣ стоять за него. Партія болѣе смѣлая, хотѣвшая, при помощи Иванова сына, освободиться отъ чуждаго ига, привела из-

гнанника; но такъ-какъ Угровъ было много, то отъ Ивана отступили; брошенный, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и Угры приложили смертное зелье къ его ранамъ. Наконецъ, при посредствѣ Нѣмецкаго императора, главнѣе для того, чтобъ не дать утвердиться Угорскому могуществу, Казимиръ принялъ сторону изгнанника и воевода его Василій съ полками повелъ Владимира на Галичъ. Иноземное владычество слишкомъ показалось несноснымъ, и потому не удивительно, если къ Владимиру явилось много помощниковъ въ Галицкой землѣ. И это облегчило ему водвориться на столѣ Галицкомъ. Королевичъ долженъ былъ удалиться, и Галичане увидѣли, что имъ трудно отдѣлаться отъ притязаній иноземныхъ войскъ, если онѣ уже одинъ разъ объявились; надобно было искать сильной опоры, и Галичъ долженъ былъ повидимому начать измѣнять прежнее свое направленіе — удержать самобытность, и войти въ тѣснѣйшую связь съ Русскимъ міромъ. До сихъ поръ Галичане при Ярославѣ были противниками Суздальскихъ князей; теперь Владимиръ послалъ ко Всеволоду искать покровительства и признавалъ его старшинство. Романъ, разъ уже призванный на княженіе, непріязненно смотрѣлъ на Владимира, и когда поссорился съ Рюрикомъ, то Владимиръ съ Галичанами своей партіи опустошилъ принадлежавшія Волынскому князю земли около Перемышля.

Наконецъ умеръ Владимиръ. Тогда Романъ, оказавшій большія благодѣянія Казимиру Польскому, (ибо возстановилъ его на престолѣ, котораго послѣдній было лишился, когда доставилъ Владимиру власть въ Галичѣ) сдѣлался Галицкимъ княземъ при помощи Казимира. Противъ него была до того озлобленная партія, что просила Польскаго короля присоединить лучше Галичъ къ Польшѣ, и такимъ образомъ рѣшалась лучше потерять независимость, чѣмъ имѣть такого князя. Это были недоброжелатели Романа. Казимиръ слишкомъ много обязанъ былъ Роману, чтобъ согласиться на выгодное предложеніе, и притомъ его дѣлала одна только партія; была и другая противная и сильнѣйшая. Романъ, сдѣлавшись княземъ, по извѣстіямъ польскимъ, дѣлалъ варварства надъ Галицкими боярами: онъ ихъ зарывалъ живыми въ землю, разносилъ по членамъ, съ живыхъ сдиралъ кожу, разстрѣливалъ стрѣлами, сожигалъ огнемъ. Многихъ нельзя было умертвить явно; Романъ ласково заманивалъ ихъ къ себѣ, угощалъ, ласкалъ, и когда они были спокойны и безбоязненны, давалъ знакъ, являлись слуги, и гости подвергались неописаннымъ мученіямъ (Boguch. 130). Надобно прежде убить пчелъ, чтобъ медъ ѣсть, говорилъ онъ. Ему хотѣлось истребить знатнѣйшія фамиліи въ Галичѣ. Это

польское извѣстіе если справедливо, то во всякомъ случаѣ показываетъ, что дѣло было не Романовой личности, а Романовой партіи. Романъ не могъ дѣлать такихъ жестокостей, еслибъ не опирался на чемъ-нибудь. Онъ не могъ опираться на безмысленномъ повинновеніи, потому что достоинство князя не могло еще усвоить такого значенія, чтобъ народъ безропотно оправдывалъ все, что только вздумаетъ князь. Онъ не опирался на чуждую власть, ибо не побоялся вскорѣ нарушить союзъ свой съ Поляками, слѣдовательно, онъ, дозволяя себѣ жестокости, долженъ былъ опираться на сильную партію, которая чрезъ посредство князя удовлетворяла своимъ враждебнымъ отношеніямъ къ противнымъ партіямъ. По крайней мѣрѣ у Романа должна была быть сильная партія: это показываетъ уже то, что по смерти его она сгруппировалась около его вдовы и малолѣтнихъ его сыновей. Въ 1201 году Романъ былъ убитъ въ сраженіи съ Поляками, съ которыми поссорился, не смотря на прежнюю тѣсную дружбу и взаимныя услуги. Тогда въ Галичѣ открылось раздолье страстямъ и произошло запутанное столкновеніе и своихъ, внутреннихъ, и вѣшнихъ стремленій.

Развитіе народной свободы необходимо должно было произвести возвышеніе однихъ предъ другими и образованіе сильнаго класса. Власть и сила находилась въ рукахъ бояръ. Бояре Галицкіе не составляли, въ строгомъ смыслѣ слова, аристократію, замкнутое сословіе, совокупность фамилій съ наслѣдственными предразсудками и наслѣдственнымъ сознаніемъ фамиліальныхъ правъ. Подъ именемъ бояръ, какъ и вообще въ Русскомъ мірѣ, въ Галичѣ еще болѣе, разумѣлись люди богатые, владѣльцы земель; теченіемъ обстоятельствъ, умѣньемъ ими пользоваться для своего возвышенія, пріобрѣли они силу и вліяніе, и также легко возвышались, какъ и упадали. Есть примѣръ, что въ числѣ такихъ сильныхъ земли Галицкой были сыновья поповъ и простыхъ мужиковъ, смердовъ. *Доброславъ же вокняжился бѣ и Судычъ поповъ внукъ; о другихъ: пріидоста Лазарь Домажъричъ и Исгоръ Молибожичъ, два беззаконника отъ племени смердъ, и поклонистася ему до земель; Якову же удивившуся и прашавшу вины, про что поклонистася, Доброславу же рекшу: вдахъ има Коломью* (Ип. л. 179) Они возвышались пользуясь смутными обстоятельствами. Благодаря безпрестаннымъ смутамъ усилился въ Червоной Руси боярскій элементъ, особенно во время смутъ происходившихъ послѣ смерти Романа. Каждый претендентъ старался набрать себѣ союзниковъ и раздавалъ пособникамъ, принявшимъ его сторону, города (*и пріа*

(Даннло) землю Галичскую и розда города бояромъ и воеводамъ, и бѣише корма у нихъ много. Ип. лѣт. 173) Такой счастливецъ возводилъ свою родню и пріятелей и служившихъ ему, и составлялъ около себя чадъ. Они владѣли землями, управляли городами. Народъ страдалъ отъ ихъ произвола. Доброславъ, вшедъ въ Бакоту, все Понизье пріѣзъ княжа повельниѣ; Григоръ же Васильевичъ собъ Горнѣю страну Перемышльскую мыслише одержати, и бысть мятежъ великъ въ земль и грабежъ отъ нихъ (Ип. л. 179). *Послаху исписати грабительство нечестивыхъ бояръ* (ibid). Они между собой враждовали; каждый возвышался на счетъ другого, и каждый хотѣлъ оторвать у другого достояніе, чтобъ улучшить свое. Этою-то враждебностію, какъ замѣчено выше, объясняются тиранства князей Владимира и Романа надъ своими противниками; партія, съ своей стороны, хотѣла утвердиться подъ знаменемъ своего князя, а потому и поджигала его на уничтоженіе противниковъ. Хотя стеченіе обстоятельствъ во многомъ благопріятствовало тому, чтобъ Галичъ сдѣлался центромъ соединенія Южной Руси, но этому препятствовалъ также духъ жителей, подъ тѣми же обстоятельствами развившійся необузданнымъ стремленіемъ лицъ къ возвышенію какими бы то ни было путями. У Галичанъ притомъ развилось удалое уваженіе къ воинской доблести, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ Волынской лѣтописи. Храбрость личная была добродѣтель и являлась въ ореолѣ поэзіи. Успѣхъ храбреца дѣлался его оправданіемъ. Бояре, становясь на общественную ступень, усвоивавшую за ними это названіе, не думали объ общемъ дѣлѣ, и потому находилось много такихъ, что приставали къ Уграмъ и возбуждали ихъ на отечество, — другіе наводили Поляковъ, третьи—такого-то и такого-то князя, и выигравшая сторона возносила этихъ князей. Когда они замѣчали, что князь не проченъ, то спѣшили приставать къ другой партіи и часто случалось, чтобъ заранѣе упрочить себя, подвигали враговъ на тѣхъ, которыхъ сами призвали. Естественно, значеніе князя упадало болѣе и болѣе: князь не окружался никакимъ атрибутомъ могущества; онъ постоянно дѣйствовалъ по указанію бояръ (совѣтомъ) и какъ бояре жили между собою въ несогласіи, то безпрестанно попадали впросакъ; надобно было угодить однимъ — значитъ — приходилось раздражить другихъ. Какъ обращались съ князьями, можно видѣть изъ того, что *Данилу въ пиру веселящуся одинъ отъ тѣхъ безбожныхъ бояръ лице зали ему чашею* (Ипат. л. 171). Романъ, видно, не успѣлъ перемучить всѣхъ своихъ противниковъ; можетъ быть изъ его благопріятелей

стали противники, — только жена его съ дѣтьми должна была удалиться. Призвали дѣтей Игоря Сѣверскаго и посадили одного въ Галичѣ, а другого въ Звенигородѣ. Заправлялъ этимъ призваніемъ Володиславъ, конечно думавшій воспользоваться новыми князьями для себя. Потомъ выгнали вдову Романа изъ Владимира. Тамъ посадили третьяго Игоревича, котораго перевели въ Перемышль. Скоро однако призванные князья совершенно закружились въ этомъ омутѣ; бояре поджигали ихъ однихъ на другихъ; одни старались вооружить князей на другихъ бояръ, другіе сносились съ Уграми, третьи съ Поляками, четвертые хотѣли жить независимо. Между тѣмъ, съ Игоревичами пришли и свои мужи и, конечно, отчасти при ихъ содѣйствіи, съ помощію нѣкоторыхъ бояръ, метившихъ своимъ братьямъ, съ которыми были во враждѣ, Игоревичи составили заговоръ и стали убивать *величавыхъ бояръ*. Въ лѣтописи число убитыхъ выставлено до 500; но это быть можетъ позднѣйшая вставка, ибо въ нѣкоторыхъ спискахъ оно пропущено и вообще это число слишкомъ велико для числа однихъ знатныхъ (величавыхъ) особъ по преимуществу. Но главные коноводы боярскіе ушли въ Угрію; на челѣ ихъ былъ Володиславъ. Когда они съ помощію подступили къ Перемышлю и приглашали жителей сдаться и выдать Игоревича Святослава, то говорили: *братья, почто смущаетесь? не сїи ли избиша отци ваши и братю вашу, а инѣи имѣніе ваше разграбиша и дщери ваша даша за рабы ваша, а отчествїи вашими владѣша инїи пришельци?* (Ипат. л. 158.) Это мѣсто, характеризуя способъ насилія того времени, указываетъ, что съ Игоревичами прибыли Сѣверцы и они-то поставили себя въ положеніе иноземцевъ къ Галичанамъ. Не только Угры были тогда вызваны боярами. Когда Володиславъ съ братією бѣжали въ Угры, другіе ушли къ Полякамъ и призывали ихъ на помощь, третьи — въ Бѣлзъ, гдѣ княжилъ удѣльный князь Всеволодъ, четвертые въ Пересопницю на Волинь. Игоревичи съ своей стороны закликали Половцевъ. Такимъ образомъ въ Червоной Руси явились разорительныя полчища иноземцевъ. Можно представить себѣ, какъ тяжело для массы народа должна была отзываться эта трагедія. Дѣло Игоревичей было проиграно, не смотря на Половцевъ; князья были взяты въ плѣнъ. Бояре Володимирскіе и Галичскіе — на челѣ первыхъ Вячеславъ, на челѣ другихъ Володиславъ — рѣшились наконецъ призвать себѣ княземъ Данила, сына Романова, тогда бывшаго еще дитятею. Его посадили на столѣ въ церкви Богородицы, въ Галичѣ. А трое изъ Игоревичей, — Романъ, Святославъ и Ростиславъ, взятые въ плѣнъ Уграми, — были вы-

прошены галичанами на свой судъ и повѣшены. Фактъ оригинальный, показывающій, что въ Червоной Руси родъ князей не считался уже выше обыкновенныхъ родовъ и жизнь ихъ подлежала общему суду народному. Значеніе Рюрикова рода видимо упало. Галичъ не считалъ уже ничьего права княжить у себя не только за тою или другою вѣтвію князей, но и вообще за Рюриковымъ родомъ. Скоро Володиславъ подобралъ себѣ партію, и выгналъ Данила съ матерью, а Володиславъ захватилъ правленіе и сталъ *княжитися*. (1208—1209). Угорскій король поспѣшилъ воспользоваться новымъ порядкомъ и обобралъ Володислава и его пріятелей, съ которыми неслѣдуетъ было Володиславу раздѣлить свою власть, такъ что товарищъ его, Судиславъ, весь въ *злато премънися*, т. е. откупался отъ венгерскаго короля. Володиславъ торжественно *сѣде на столѣ*. Такимъ образомъ княжеское достоинство выступило изъ Рюрикова рода; этимъ, казалось, удѣльный укладъ начиналъ новый поворотъ и онъ возникалъ прежде всего въ Галичѣ; тамъ подавали примѣръ; тамъ стали князей казнить смертію, не обращая вниманія на ихъ княжеское достоинство; тамъ стали признавать князьями особъ не отъ Рюрикова рода. Почти можно по этому предвидѣть, какъ бы разыгралась исторія удѣльнаго уклада безъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя способствовали единовластію. Русь возвратилась бы къ порядку, существовавшему до призванія Варяговъ, то есть у разныхъ народовъ въ разныхъ земляхъ были бы свои князья, свои вѣча, не связанные уже единствомъ княжескаго рода.

Но это новое явленіе, возникновеніе новыхъ родовъ на мѣсто единого княжескаго, уже въ теченіе вѣковъ освятившаго древностію свое званіе въ глазахъ народа, встрѣчено было соседними князьями и Поляками не отрадно. Напали Поляки; ихъ тяжкія посященія были такъ непріятны, что народъ готовъ былъ повиноваться скорѣй Володиславу, чѣмъ иноземцамъ. Наконецъ, послѣ непродолжительныхъ сумятицъ, земля Галицкая подпала подъ власть иноплеменниковъ. Лестько Польскій передѣлилъ ее съ Уграми. *Не есть льпо боярину княжити въ Галичѣ* (Ип. сп. 160.)—говорилъ онъ, —но пойми дочь мою за сына своего Коломана и посади въ Галичи. И такъ Галичъ достался Уграмъ. Въ немъ посаженъ Коломанъ, а Перемышль достался Лестьку. Но явился внезапно удалой Мстиславъ, борецъ правды удѣльнаго уклада, охранникъ Новгородской свободы. Мстиславъ отдалъ за Данилу свою дочь, сначала не успѣлъ противъ Угровъ и Поляковъ, а потомъ привелъ Половцевъ и выгналъ иноплеменниковъ. Воевода Угорскій Филъ, называемый въ нашей

лѣтописи Фила Прегордый, — говорившій поговорку: единъ камень — много горнищевъ погибаетъ, — былъ взятъ въ плѣнъ. Мстиславъ сдѣлался княземъ Галицкимъ. Но не утишилась Земля. Александръ, князь Бѣльзкій, не ладилъ съ Даниломъ, княжившимъ во Владимирѣ; народъ въ Бѣльзской землѣ пилъ тогда горькую чашу: поплѣнена бысть около Бѣлиза и около Червена Даниломъ и Василькомъ и вся земля поплѣнена бысть; бояринъ боярина плѣнивша, смердъ смерда, градъ града, якоже не остаться ни единой веси неплѣненъ (Ип. сп. 163.) Потомъ чрезъ два года Александръ Бѣльзскій настронилъ Мстислава Удалого противъ зятя Данила. Последний призвалъ Поляковъ на помощь: *Данилу же князю воевавшу съ Ляхи землю Галицкую и около Любачева, и плѣни всю землю Бѣльзескую и Червеньскую даже до оставшихъ Васильку же князю многи плѣны пріемшу стада коньска и кобыльа* (Ип. Сп. 165). Князья вскорѣ помирились; о послѣдствіяхъ, какія имѣлъ народъ отъ этого мимолетнаго облака между тестемъ и зятемъ никто не подумалъ? Отважный, прямой характеръ Мстислава Удалого никакъ не могъ сладить съ ложными извилистыми кознями бояръ: одни ему совѣтовали то, другіе иное, онъ не имѣлъ рѣшимости Романа и одного изъ своихъ враговъ только изгналъ. По совѣту бояръ, онъ отдалъ дочь за Угорскаго королевича, управлявшаго Повизьемъ, и самъ долженъ былъ удалиться изъ Галича. Бояре не захотѣли его; нашлась партія, предавшая отечество снова Уграмъ, потому что надѣялась возвыситься.

Время 1226—1237 было запутанное для Южной Руси. Князья шли одинъ на другого, ссорились, мирились, опять ссорились. Данило стремился къ покоренію себѣ всей Волыни; кромѣ Владиміра, Луцка, Чернотаста, уже Пересопницы и Берестье тогда были въ его рукахъ, пошли на него Кіевляне, Черниговцы, Сѣверцы, Туровцы, Пиняне, приглашены Половцы. Данило успѣлъ разрушить этотъ союзъ противъ себя, оказалъ услугу Польскому князю Конрату и въ 1229 г. покусился опять на Галичъ. Партія, недовольная Уграми, приглашала его; это были враги Судислава, сильнѣйшаго изъ бояръ, который правилъ тогда съ своими клевретами всю Галицкую землею отъ имени королевича. Эта партія призвала Данила. Домъ Судислава и все имущество было расхищено. Таковъ былъ обычай: имущество тѣхъ, кто навлекъ на себя месть или кару народную, предавалось разграбленію. Самъ Судиславъ въ виду народа бѣжалъ съ королевичемъ; въ него кидали камнями и кричали: «изыди изъ града мятежниче земли». Данило отпустилъ безъ преслѣдованія королевича, помня прежнюю дружбу съ отцемъ его. Лишившись всего,

сверженный съ своего величія, Судиславъ побудилъ короля Бѣлу явиться въ Русь въ силѣ тяжцѣ. Но Богъ послалъ на него архангела Михаила, который отворилъ небесныя хляби: угорскія лошади тонули, грязли и падали. Угры подступили къ Галичу. Но у Данила были Половцы Бѣгбарсовы. Днѣстръ разлился и сыгралъ «игру злу» Уграмъ, такъ что Уграмъ было плохо и запасы у нихъ потнили; они умирали съ голода. Удалилась Угорска рать. Но на слѣдующій годъ (1230) партія бояръ, враждующая съ Даниломъ, составила заговоръ умертвить Данила и Василька и возвести на столъ князя Бѣльзскаго, Александра, ихъ двоюроднаго брата. Одинъ изъ бояръ, Филиппъ, устроилъ пиръ въ Вишнѣ и звалъ туда князей братьевъ съ этой коварной цѣлю. Но тысяцкій Демьянъ предупредилъ ихъ. Князья ополчились на Александра; Александръ призывалъ Угровъ. Данило опять лишился Галича. Въ 1234 г. одинъ изъ бояръ, придерживавшійся партіи Угорской, бывший у короля воеводою, по имени Глѣбъ Зеремѣвичъ, перешелъ на сторону Данила. Королевичъ, Судиславъ и тысяцкій Дьянишъ съ королевскою партіею заперлись въ Галичѣ. Когда Данило подошелъ къ Галичу, королевичъ умеръ и Данило овладѣлъ Галичемъ; но князь Луцкій Володимиръ пригласилъ его воевать противъ Черниговскихъ князей. Галичане опустошили землю Черниговскую съ Даниломъ; народъ терпѣлъ за князей своихъ, но Галичанамъ заплатили тѣмъ же. Когда Василько, братъ Даниловъ, оставался въ Галичѣ, бояре составили заговоръ противъ него и Данила и пригласили Михаила Черниговскаго. Очевидно, что такъ поступали потому, что надѣялись возвыситься съ помощію новыхъ князей. Съ ними были въ союзъ Болоховскіе князья; это, вѣроятно, были особы не Рюрикова рода, но бояре, сдѣлавшіеся владѣтелями. Данило счастливо привелъ Торковъ и разбилъ ихъ. Болоховскіе князья были схвачены и приведены плѣнными во Владиміръ. Однако новая Михайлова партія, посадивши у себя Михаила въ Галичѣ, заключила въ тоже время союзъ съ Конрадомъ польскимъ и призвала Половцевъ, для новыхъ разореній. Данило до поры до времени долженъ былъ уступить и удовольствовался тѣмъ, что Михаилъ и сынъ его Ростиславъ отдали ему Перемышльскую землю въ управленіе. На сторонѣ Михаила были Поляки; но Данило отстранилъ польское союзничество съ Михаиломъ тѣмъ, что поднялъ на Конрада Литву; Михаилъ отнялъ у Данила уступленный Перемышль, а самъ отправился въ Кіевъ, а въ Галичѣ оставался сынъ его Ростиславъ. Тогда Данилъ заключилъ союзъ съ Уграми, прежними своими давними врагами. Данило подступилъ къ городу Га-

личу. Галичанамъ надѣли смуты и безпрерывные перемѣны власти. Они собрались на вѣче и избрали Данила княземъ. Епископъ Артемій и дворскій Григорій стали было противиться, но увидѣли, что все желаютъ Данила и сами отправились къ нему съ поклономъ.

Данило объявилъ противникамъ своимъ примиреніе и не сталъ никого преслѣдовать. Преступники, да и самъ Данило, едва ли могли бы рѣшиться не послѣдовать здѣсь голосу своей партіи, а всякая партія всегда требовала мести, ибо цѣль ея была занять мѣсто тѣхъ, которые ей враждовали. Но на этотъ разъ не партія, а большинство народа было на сторонѣ Данила.

Время княженія Данила не могло благоприятствовать спокойному теченію народной жизни, не смотря на вѣншній признакъ политической цѣлостности всей Южной Руси. Въ 1240 году пронеслась опустошительная буря Татаро-монгольскаго нашествія. Послѣ взятія Кіева, разрушительное полчище двинулось на Колодежный. То былъ первый городъ западнаго края Южно-русской земли павшій въ руки завоевателей. Жители сначала храбро защищались, но завоеватели предложили имъ сдаться, общая пощаду. Рускіе видѣли, что отъ такого полчища нельзя отдѣлаться легко, и послушались; Татары всѣхъ перебили: таковъ у нихъ былъ обычай — обманывать и истреблять врага всеми средствами. Взять былъ Каменецъ, взять Изяславль, взять былъ Володимиръ Волынскій, взять наконецъ и Галичъ. Современникъ не распространяется въ подробностяхъ взятія городовъ, но городовъ этихъ было много, *и мнѣе нѣсть числа*, а о судьбѣ жителей лѣтописецъ повѣствуетъ очень кратко, но довольно выразительно и понятно: *изби и, не щадя*. Впрочемъ города кажется не были сожжены и вообще бѣдствіе, постигшее жителей Червоной Руси, захватило меньшую массу народонаселенія, чѣмъ въ иныхъ земляхъ Руси, потому что тысячскій Даниловъ, Димитрій, подружившійся съ Татарами въ Кіевѣ, побуждалъ ихъ скорѣе выходить въ Угрію, предупреждая Батю, что въ случаѣ промедленія Угры успѣютъ собраться съ силами и дадутъ отпоръ: *Земля та есть сильна, сбегутся на ты и не пустятъ тебе въ землю свою* (Ип. л. 178). Народъ оставлялъ свои дома и прятался въ лѣсахъ и горахъ. Самъ Данило убѣждалъ въ Польшу и переждалъ Татарское прохожденіе въ Судомирѣ. Между тѣмъ, пока Татары были въ Угріи, Ростиславъ, сынъ Черниговскаго князя, сдѣлался орудіемъ противной Данилу партіи; около него собралась группа искателей, думавшихъ, по обычаю, возвыситься при всякой перемѣнѣ; союзниками его были и Бологовскіе князья, уже

выпущенные Даниломъ изъ плѣна. Лѣтописецъ намекаетъ, что они попадались (вѣроятно послѣ того, какъ были плѣнены Даниломъ) въ плѣнъ Полякамъ, но Данило и Василько освободили ихъ. Эти князья тяготились претензіями, какія оказывалъ на нихъ князь Червоной Руси и потому приняли Татарское нашествіе за удобный случай утвердить свою независимость. Прежде чѣмъ Татары, изъ любви къ разрушенію, стали разорять ихъ земли, князья эти послали къ Батыю согласіе быть покорными и служить ему. И Батый оставилъ въ покоѣ ихъ землю съ тѣмъ, чтобъ владѣльцы ея орали и сѣяли пшеницу и просо для продовольствія Татаръ, которые предполагали утвердить свои колоніи въ разоренной странѣ. Эти-то Болговскіе князья стали съ Ростиславомъ. Сторону его приняли также другіе сильные владѣтели, бояре, или имѣвшіе свои земли въ Червоной Руси, или получавшіе въ управленіе города и смотрѣвшіе на управляемые ими края какъ на свою собственность. Ростиславъ около семи лѣтъ боролся съ Даниломъ, но постоянно успѣхъ оставался на сторонѣ послѣдняго, хотя за Ростислава были и Угры и Ляхи. Наконецъ, въ 1249 г. Данило окончательно побѣдилъ Ростислава, въ кровопролитной битвѣ на р. Санѣ разбивъ помогавшихъ ему Угровъ и убивъ угорскаго бана Фила (прегордаго); Ростиславъ бѣжалъ, и не возвращался болѣе, получивъ удѣльное княжество въ Мачѣѣ, на берегахъ Савы. Раздраживши Угровъ и Поляковъ партіи Лестьковыхъ дѣтей, Данило находился въ такомъ положеніи, что надобно было ему держаться Татаръ, чтобъ по крайней мѣрѣ страхомъ ихъ помощи удержаться противъ западныхъ своихъ соседей. И онъ выбралъ удачно. По требованію Татаръ онъ пріѣхалъ въ Переяславль, гдѣ уже поселились постоянно Татары. Онъ долженъ былъ ѣхать къ Куремѣ, предводителю Татарской орды кочевавшей въ Южной Руси, а потомъ на Волгу къ Батыю, потѣшилъ хана тѣмъ, что поклонился, по его требованію, кусту и согласился, въ угоду повелителю, пить кобылій кумысъ. Видно, что въ Южной Руси это униженіе поражало сильнѣе умы и сердца, чѣмъ подобное въ Сѣверной съ тамошними князьями. *О, злѣе зла честь Татарская! Данилови Романовичови, князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ со братомъ и иными странами, нынѣ съидитъ на колыну и холопомъ называется! и дани хотять, живота не чають и грозы приходятъ* (Ип. л. 185). Какъ ни обидно было такое униженіе и непривычно для буйныхъ княжескихъ головъ, да за то Данило, пробывши 25 дней у Татаръ, *отпущенъ бысть, и поручена бысть земля его ему*. Въ этихъ многозначительныхъ словахъ заклю-

чается зародышъ новаго уклада Руской политической жизни. Досихъ поръ политическая судьба Русскихъ краевъ зависѣла отъ столкнове-
нiя побужденiй, отъ случая — если можно допустить это слово. Пра-
во было одно — воля массы; иногда она страдательно принимала чтó
ей давалось; но все таки принципа другого не было, кромѣ согласiя или
не противодѣйствiя массы. Теперь это право — была власть завоевате-
лей. Съ этого утвержденiя власти Данила надъ Червонорусскою и Во-
лынскою землями, начинается господство единодержавнаго принципа
въ Южной Руси, который, впослѣдствiи, перешелъ въ руки Литовскихъ
обрусившихся князей и, послѣ долгихъ колебанiй со старымъ удѣльновѣ-
чевымъ выработалъ государство подъ именемъ Великаго Княжества Ли-
товскаго.

Н. Костомаровъ.

ДО ТОВАРИША (¹)

ОДЪ ШКОЛЯРІВЪ.

Дё ти, дру́же дё ти, любий,
Дё ти? обі́звися!
Чи далеко, чи близенько,
Братіку, — вернися...

Не вернёся, голубчику,
Ми се добре знаємъ:
Підстрі́лили тебе люде
Якъ пташку підъ гаємъ, —

Не злюбі́ли бо мавъ еси
Серденько тепленьке,
Не злюбили, бо у тебе
Розумокъ яснёнький.

Ти не вми́въ кривить душою,
Ти не ку́тавъ правди
И за насъ про́мовивъ щире
Слово до громади.

(¹) До семинариста, котораго письмо напечатано въ Липдѣвій книжці
Основи.

Такъ лети жъ ти, нашъ голубе,
Лети на край світа,
Чи не знайдешъ поміжъ людьми
Иного привіту.

»За вікнами більше світу,»
Якъ тамъ люде кажуть
Сміло жъ лети, — люде добрі
Путь дорóгу вкажуть.

Тільки отъ що, товаришу;
Якъ щасливимъ будешъ, —
Карай тебе, грізний Боже.
Коли насъ забудешъ!

Лихо наше тяжке знаєшъ, —
Нічого й казати!
Поможи жъ намъ, милий брате,
Двокіл же амъ ждати?

Замовъ, гляди, наше лихо
До вірній громади,
Скажи ти їй, що ми гинемъ
Безъ правої ради,

Що ми бідні, безпомошні,
Якъ риби безгласні;
Скажи, що насъ давлять, душать
Люде самовласні;

Що зъ насъ пúтнёго нічого
До-віку не буде,
Поки вчителі вельможні
Власти не забудуть.

Не забудь же насъ, соко́ле,
 Богъ тобѣ порада!
 Не забуде тебе й наша
 Вірная громада!

Е — М

Черниговъ

26 окт. 1862.

ДО ВОРОЖКИ.

Ой лишенько, бабусенько,
Серденько болить!
Навчіть менé, голубонько,
Що ёму робить?

Куди гляну — серце вяне:
Красенъ Божий світъ,
Брийіть всюди паняночки,
Якъ королівъ цвітъ. .

Піймавъ-би я любéсеньку, —
Принади нема:
Нема грóшей-побрязкачівъ —
И вдачі катъ-ма!

Поворожіть, бабусенько,
Дайте грошенятъ: —
Куплю собі поле й хату,
Коней-соколять;

Приберуся въ оксаміти
На-диво панамъ,
Стукну-брязну підківками,
Словами додамъ!

Буде въ мене принадонька —
 Пташки налетять,
 Ключатимуть принадоньку,
 Менé звеселять...

А-то лишко, бабусенько,
 Принади нема:
 Нема грóшей-побрязкачівъ —
 И вдачі катъ-ма!

А. ГЛІБОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ АКТЫ.

I.

ПИСЬМО ОРЛИКА КЪ СТЕФАНУ ЯВОРСКОМУ (*).

Ясне въ Богу преосвященнѣйшій милостивый отче Митрополитъ Резанскій, мой вельце милостивый въ духу святомъ отче, пастыру и добродѣю.

До сихъ часъ въ бѣдахъ, во изгнаніихъ, въ тѣснотахъ прише лствова душа моя съ ненавидящими міра; теперь уклонившись и душею и сердцемъ отъ душевреднаго того прише лствія, архіерейскую, Вашей святыни, миръ всеѣмъ дающую, десницу духомъ лобызаю. По речени миѣ ваша Святыня: «дуже, како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія, милости монаршей?» «для чого опасатися мушу (принужденъ), чтобъ съ симъ моимъ дерзновеннымъ писаніемъ не былъ отверженъ отъ лица вашей Святыни, однакъ съ тоей реляціи, которую до вашей Святыни имѣю, яко ученикъ до учителя, яко (аще и недостойнъ уже наречися) сынъ до отца, яко овца до пастыра, тѣмъ дерзновеннѣй прибѣгаю до вашей святыни, имъ благонадѣжнѣйшій могу быть, что ваша святыня, яко премудрѣйшій мой учитель, благоразумнѣ и наставиши и накажеша мя, яко отецъ блудному сыну объятія своя отческія отверзеша и яко добрый и бодрый пастырь погибшую овцу обращаеши, и на раму свою восприѣмлеши. А поне-

(*) Письмо это, сообщенное, въ свое время, (какъ значится на подлинникѣ), государственному канцлеру, доставлено было «чрезъ министровъ Голштинскихъ;» по — кому? — Яворскому ли, или канцлеру, — не видно. На конвертѣ была надпись: «A Son Eminence Monseigneur Etienne de Iaworski, Archevêque Métropolitain de Resagne et Mourome.»

же многіе, едни недоброхоты мои, другіе, хотѣвши себе оправдати, зло-клеветнымъ своимъ донесеніемъ милосердное царского величества сердце на болшій гнѣвъ и отщепеніе противъ мене возбудили и подвигнули, будто я единомысленнымъ и единосовѣтнымъ съ Мазепою тою измѣны былемъ авторомъ и всѣ тайны оныя вѣдаю, — того ради за благоразсудихъ предъ вашею Святынею, аки предъ самымъ прошедшимъ небеса архіерею, вѣдушимъ тайны сердца, все то чистою совѣстію, праведно, а не ложію (погубитъ бо Господь всякого глаголющаго лжу) неповѣдати, что козвекъ могу о той измѣнѣ вѣдати, яко о томъ совершеннѣй выразумѣшь, ваша святыня, съ послѣдующихъ.

Ежели Мазепа передъ тымъ, пока на службѣ царского величества съ войскомъ не былъ въ Полни, и пока діаволь княгиню Долюку союзомъ кумовства въ тайны съ нимъ конференціи не впровадилъ и имѣлъ якую инклинацію до противной стороны и помышлялъ о измѣнѣ, о томъ самъ Богъ, испытующій сердца и утробы, вѣдаетъ; а я внутреннихъ не моглемъ проникнути и изслѣдовати. Однако видя его извнѣ являемую къ царскому величеству непоколебимую вѣрность и радительныя службы, по человѣческому разсуджати могу, что онъ Мазепа твердъ былъ въ своей вѣрности и усердную имѣлъ къ царскому величеству любовь.

Оставляю пины того документа, единый токмо въ подтверженіе моего мнѣнія привожу, что въ 1705 году, когда Мазепа обозомъ подъ Замостемъ стоялъ, подсланный былъ до его тайно отъ Станислава Лещинскаго съ Варшавы съ тайными прелестными пропозиціями Францискъ Волекій, которого онъ Мазепа наединѣ выслушавъ, по авдіенціи секретной, велѣлъ его Григорію Ивановичу Анненкову за караулъ взять, и тортурами о той посылкѣ прелестной и о пиныхъ непріятельскихъ намѣреніяхъ допросить, потомъ его Волекого оковавъ, въ Кіевъ до князя Дмитрія Михайловича Голицына, а писма тые прелестныя до царского величества, одослалъ.

Якій же могъ быть по видимому болшій документъ вѣрности его Мазепы къ царскому величеству надъ той? Но когда онъ Мазепа стоялъ на квартирахъ зимовыхъ въ Дубнѣ, а Войнаровскій съ Иваномъ Чернишемъ резиденцію свою у двора царского величества въ Гроднѣ континювалъ, и Дмитрій Горленко, бывшій полковникъ Прилуцкій, вмѣсто Гетмана съ своимъ и Кіевскимъ полками на службѣ царского величества тамъ же подъ Гродномъ zostавалъ, писалъ онъ Горленко до Мазепы съ наречнымъ куріеромъ пространное на клякахъ листахъ писмо, въ которомъ мѣстѣ обиды, поношенія, уничиженія, досады, коней разграб-

леніе и смертные побои козакамъ отъ Великороссійскихъ начальныхъ и подначальныхъ въ то время дѣючіеся выписалъ, наконецъ и тое приложилъ, будто его Горленка наказного Гетмана, куда съ едучого, съ коня сохнуено и насилно съ подъ его и съ подъ прочихъ ему послѣдующихъ начальныхъ людей кони въ подводы забраны. Писалъ также отъ себе до Мазены съ тымъ же куріеромъ и Иванъ Чернишъ, а въ письмѣ своемъ прислалъ заключенную копію указу царского величества, которымъ будто определено было тые два полки городовые Кіевскій и Прилуцкій, подъ комендою Димитрія Горленка бывшіе, посылать въ Прусы, ради наученія и устроенія ихъ въ регулярные драгунскіе полки. Велѣлъ тые письма и копію указу царского величества Мазепа передъ собою мѣ прочесть, которыхъ выслушавъ тые формальныя сказалъ слова: «якогожъ намъ добра впредь надѣяться за наши вѣрные службы, и хтожъ бы былъ такий дуракъ, якъ я, чтобъ подъ сее время не преклонилъ до противной стороны на такіе пропозиціи, якіе Станиславъ Лещинскій до мене прислалъ?»

Не по многомъ времени пріѣхалъ и самъ Димитрій Горленко въ Дубно до Мазены съ подъ Гродни, оставивъ тамъ подъ камендою сына своего Андрея тые два полки, Кіевскій и Прилуцкій, которіи при иныхъ реляціяхъ доносилъ и тое Мазенѣ, будто онъ, опасаяся, чтобъ его съ полками тѣми въ Прусы не послано и въ драгуны не устроено, чимъ бы онъ подвинулъ на ненависть и вражду противъ себе цѣлое войско, что отъ его початокъ того регулярнаго строю учинился, притворилъ себѣ якуюсь болезнь и подъ покривкою оной упросилъ себѣ у генерала Рена отпущекъ, будто къ дому, подаривъ ему за тое килка коней добрыхъ и 300, чаю, ефимковъ.

Въ краткихъ числѣхъ по пріѣздѣ Димитрія Горленка въ Дубно, прошенымъ былъ Мазепа въ кумовство и на христинны отъ князя Вишневецкого, воеводы Краковского, до Бѣлой Криници, которого дочери, будучи тамъ съ маткою его княгинею Долскою, воспріемникомъ, якіе имѣлъ съ нею денные и нощные конференціи, и если такъ малый вѣтрикъ реляцій Димитрія Горленка и Ивана Черниша поколибалъ сердце его Мазены и до измѣны преклонилъ, или княгиня Долская прелестми своими ему оную выперевадовала, о томъ самъ единый Богъ вѣсть. Однакожъ отъ болшой части разсуждаю, что тая прелестница мѣла его обезумить.

По килкаденныхъ прованіяхъ и доволныхъ разговорахъ, повернувшись Мазепа на квартиру свою съ Бѣлой Криници до Дубны, велѣлъ мѣ писать листъ благодарственный до тоей же прелестницы княгини Дол-

ской, и послать ей ключъ циферной для корреспонденціи съ собою, отъ которой въ килка дней получилъ онъ Мазепа респонсъ и въ ономъ малую цедулку цифрами писаную, которая въ децифрованіи своемъ тое заключала: » Уже я гдѣ надлежитъ послала съ донесенемъ истиной в. м. пана приязни.« По прочитаніи тоей цедулки циферной, одобравъ оную отъ мене, ни единого мнѣ не сказавши слова.

А когда по указу царскаго величества рушивши съ войскомъ регименту своего съ Дубна, прибылъ до Минска въ 1706 году, получилъ тамъ невѣдомо черезъ кого отъ княгини Долской малое писмечко цифрами писаное, въ которомъ она княгиня извѣщала ему о поворотѣ посланца своего отъ двору, и о посылки листу отъ якогось безыменного короля до его писаного. По прочитанію децифрованного отъ мене того писмечка взялъ къ себѣ оное и, засмѣявшись, сказалъ тые слова: » дурная баба! хочеть черезъ мене царское величество обмануть, чтобъ его величество, отступя короля Августа, принялъ въ свою протекцію Станислава и вспомоглъ ему до сукцессіи на королевство Польское, а онъ общаетъ подать такіе способы, которыми латво можетъ царское величество Шведа побить и побѣдить. Уже я о томъ еи дурачествѣ государю говорилъ, которому его величество посмѣялся.« Повѣрилъ я тому и ни единого подозру о его Мазепиной измѣнѣ не имѣлъ. А хто былъ тотъ посланецъ и якіи былъ черезъ него листъ, и отъ якого короля, и въ якое время и съ якимъ отвѣтомъ отъ себе Мазепа оного отпустилъ, о томъ я досели не вѣдаю, и не видѣемъ его, въ чомъ свѣдѣтель мнѣ есть на небеси вѣренъ.

А когда Мазепа по указу царскаго величества рушивши съ войскомъ регименту своего съ Минска, прибылъ въ Украину и за пришествіемъ его величества въ Кіевъ и самъ туда жъ спѣшно пріѣхалъ, давши ординансъ въ полки, чтобъ наскорѣ подъ Кіевомъ стягалися, получилъ тамъ листъ отъ тоейже княгини Долской цифрами писанный, который при себѣ въ комнатѣ спальной велѣлъ мнѣ перевести и тамъ передъ собою прочесть. А въ листѣ томъ просила она Мазепы княгиня именемъ Станислава, чтобъ дѣло намѣренное зачиналъ, надеженъ будучи скорого себѣ цѣлымъ войскомъ Шведскимъ съ Волыни сукъкурсу и всѣхъ желаній своихъ, чого тылько претендовати будетъ, неотрицательнаго исполненія, общая на тое прислать ассекурацію Станислава и гваранцію короля Шведскаго. Слухалъ тото листу Мазепа (яко видимо было) съ великимъ гнѣвомъ, а выслухавши, порвался розъяренный съ постели и началъ княгиню поносить тыми словами: » проклятая баба обезумилася: прежде мене просила, чтобъ цар-

ское величество воспріялъ Станислава въ свою протекцію, а теперь иное пишетъ; бѣснуется тая баба, хочетъ мене, пошепного и искусного птаха, обманить; на бѣду бѣ мнѣ крайнюю пошло, когда бы единой бабѣ далъ прелеститься; возможное ли дѣло, оставивши живое, искать мертвого и отплывши одного берега, другого не достигнуть? Станиславъ и самъ не есть надеженъ своего королевства; рѣчь посполитая раздвоенная: якій же можетъ быть фундаментъ безумныхъ тоей бабы прелестей? Состарѣлемся служачи царскому величеству и нынѣшнему и отцу и брату его величества вѣрне, не прелести мене ани король польскій Янъ, ани ханъ Крымскій, ани Донскіе козаки; а теперь при кончинѣ вѣку моего единая баба хочетъ мене обманить! «Тоевыговивши, взялъ съ рукъ моихъ оригинальное циферное писмо и переводъ его и, велѣвши принести огню, спалилъ, а до мене обратившись рекъ: »пиши до тоей проклятой бабы цифрами, не выходя отсюда, въ тые слова:

«Прошу вашей княжой милости оставити тую корреспонденцію, которая мене можетъ погубити и на житіи и на гонорѣ и на субстанціи. И не токмо ваша княжая милость не надѣйся, но ни помышлай о томъ, чтобъ я при старости моей вѣрность мою царскому величеству повредилъ, которую отъ молодыхъ лѣтъ моихъ досели нерушимо сохранилъ и въ оной умрѣти желаю, не хотячи и за живота, и по смерти моей, безчестного измѣническаго пороку и имени на особу мою нанести и того ради и повторе в. к. м. прошу оставить тую корреспонденцію и болшѣ о томъ до мене не писать».

Такій листъ цифрами написанный велѣлъ при себѣ запечатать и взялъ до рукъ своихъ, который если до княгини Долской одослалъ и черезъ кого (понеже я и въ то время послаца того не видѣлъ), или иный рукою своею писалъ, о томъ Богу совѣдѣтельствующу не знаю.

Токможь отъ того времени черезъ цѣлый годъ ни единого мнѣ листу циферного о тыхъ измѣническихъ аферахъ отъ помянутой княгини до переводу не давалъ, и знатно, что для отшествія съ войсками до Саксоніи короля шведского и Станислава, оставила была тую корреспонденцію. Писала однакъ единъ листъ цифрами до его Мазены съ Лвова, въ которомъ для перестороги доносила ему, что она тамъ же въ Лвовѣ была у когось (того не угадываю) воспріемницею съ Борисомъ Петровичемъ Шереметомъ, а сѣдючи у столу на христинахъ между тѣмъ же Борисомъ Петровичемъ и генераломъ Реномъ, воспоминала по случаю передъ нимъ Реномъ имя его Мазены похвальнымъ словомъ, а генералъ Рень, отвѣтуя ей, также похвално, будто соболѣзновалъ ему Мазенѣ тако: »пожался

Боже того доброго и разумного Ивана! онъ бѣдный не знаетъ что князь Александръ Даниловичъ ему подъ нимъ рѣетъ и хочетъ, его отставя, самъ въ Украинѣ быть гетманомъ;» а она тому удивившись, вопрошала Бориса Петровича Шеремета, если то можетъ событися? Что будто и онъ когда подтвердилъ, рекла она: »и для чого жъ никто его съ добрыхъ пріятелей не перестережетъ?» а Борисъ Петровичъ будто отвѣщаль: »не возможно, и мы сами много терпимъ, но молчать припуждены.« Выслушавъ письма того, Мазепа сказалъ: »зная самъ барзо добре, что они и васъ думаютъ и о мнѣ: хотятъ меня укомментовать княженіемъ римскаго государства, а гетманство взять, старшину всю выбрать, города подъ свою область отобрать и воеводъ или губернаторовъ въ нихъ постановить; а когда бы спротивилися, за Волгу перегнать и своими людьми Украину осадить. Якожъ не треба о томъ много говорить, сами вы слышали, чого имѣете надѣянися, когда князь Александръ Даниловичъ, въ квартири моей въ Кіевѣ, во время бытности царского величества, до уха мнѣ говорилъ: »пора нынѣ за тѣхъ враговъ приматца.« »Другое слышали вы, якъ тотъ же Александръ Даниловичъ публичне о княженіе себѣ черниговское просилъ, черезъ которое стелеть и готуетъ путь до гетманства«. О чемъ и о иныхъ простраише говорилъ, инаиначе о обидахъ своихъ, а именьню почиталъ онъ Мазепа за великое себѣ уничиженіе и поруганіе, что царское величество, во время пришествія своего и главной арміи своей отъ Гродни въ Кіевъ въ 1706 году, ординовалъ свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича съ кавалерією къ Волынц, а ему Мазепа съ войскомъ реименту его указалъ велѣдъ за его свѣтлостію поступать и, что его свѣтлость повелить, исполнять. А сказывалъ онъ Мазепа, будто тая кампанія на Волынц по отшествіи войскъ Шведскихъ оттуду во Саксонію не потребна была, токмо будто его свѣтлость нарочно оную воспріалъ для своего возвышенія, а его пониженія, и для показанія цѣлому свѣту, что его гетмана имѣетъ подъ своею коммендою, для чого онъ былъ жалостный и вмѣнялъ себѣ то въ безчестіе, что онъ при старости лѣтъ за такъ многіе свои вѣрные службы (яко онъ сказывалъ) получилъ награжденіе быть подъ комендою Меншикова; наконецъ говорилъ, что не такъ бы ему жалостно было, когда бы его дано подъ коменду Шеремета, или иного якого великоименитого и отъ предковъ своихъ заслуженного человека.

Повторе вмѣнялъ онъ Мазепа и то себѣ въ посяганіе, поруганіе и обману, что свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ приговорилъ былъ съ нимъ отдать сестру свою въ супружество Войнаровскому, чого онъ будучи надеженъ черезъ кылка лѣтъ ожидалъ совершенства, и не старалъ

ся нигде о жену Войнаровскому, а когда предлагалъ его свѣтлости о исполненіи того приговору, то будто его свѣтлость отвѣщалъ ему, что уже теперь невозможно того учинить, понеже царское величество самъ хочетъ на сестрѣ его свѣтлости женитца. Кромѣ того говорилъ и о иныхъ своихъ досадахъ, наконецъ рекши: «свободи мене, Господи, отъ ихъ панованія», велѣлъ мнѣ до княгини Долейской отписать, благодарствуя ей за пріязнь и пересторогу.

А что Мазепа воспоминалъ вышеписанные свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича слова, а именно тые: «пора нынѣ за тѣхъ враговъ принматца,» то дѣлалось тое такимъ образомъ: въ 1706-мъ году, во время бытности царского величества въ Кіевѣ, просилъ Мазепа его величества къ себѣ на кушени, по которомъ свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ, будучи маленько шумень и силенъ, взявъ его Мазепу за руку, сѣлъ съ нимъ на лавкѣ и прикланяся къ нему, сказалъ до уха такъ голосно, что близъ предстоящая егеральная старшина и нѣкоторые полковники могли слышать тые слова: «Гетманъ Иванъ Степановичъ, пора нынѣ принматца за тѣхъ враговъ,» а егеральная старшина и полковники, слыша то и видя, что тайно съ собою хотятъ говорить, когда начали удалатца, Мазепа, помааніемъ указавъ имъ на одномъ мѣстѣ стоять, отвѣтовалъ его свѣтлости единымъ словомъ: «не пора», будто до уха, но парочно голосно, въ услышаніе егеральной своей старшинѣ и полковникамъ; а его свѣтлость на тое сказалъ: «Не можетъ быть лучшая пора, какъ нынѣ, когда здѣсь самъ есть царское величество съ главною своею армеею.» Отвѣщалъ Мазепа: «Опасно будетъ не сконча одной войны съ неприятелемъ, другую начинать внутрию.» Наки его свѣтлость отвѣщалъ: «ихъ ли враговъ опасатца и щадить? какая съ нихъ полза царскому величеству? Прямо ты вѣрешь царскому величеству; но надобно тебѣ знаменіе тоей вѣрности явить и память по себѣ въ вѣчные роды оставить, чтобъ и впредь будущіи государи вѣдали и имя твое блажили, што единъ такой былъ вѣрный гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа, который такую ползу государству Россійскому учинилъ.» Тѣмъ временемъ хотачи царское величество одойти до своей кватери, всталъ съ своего мѣста и пресѣкъ тотъ дискурсъ, который съ обоихъ сторонъ слышать былъ егеральной старшинѣ и полковникомъ; а Мазепа, проводивши царское величество и возвратившись съ послѣдующими себѣ егеральной старшиною и полковники въ внутреннюю свою комнагу, вопрошалъ ихъ: если все слышали, что свѣтлѣйшій князь говорилъ? а когда отвѣщали, что слышали, сказалъ тые слова: «всегда мнѣ тую пѣ-

сенку поють, и на Москвѣ и на всякомъ мѣстѣ; не допустити имъ токмо, Боже, то исполнить, что думаютъ.»

Преразили тые слова страхомъ сердце слышавшихъ и частое было роптаніе и переговоры между полковниками, наипаче, что, по указу царскаго величества, безъ всякой противности, вѣрнымъ и послушливымъ сердцемъ, козаки своими оброками служить далекими долгими походами, съ послѣдней худобы разоряются, кровь свою проливаютъ, и на разныхъ мѣстахъ, то въ Инхлянтахъ, то въ Польши, то въ Литвѣ, то въ Казанскомъ государствѣ, то въ Донскихъ городахъ, погибають и умалютца, а за тые службы, и прежніе за турецкой войны и за теперешніе не токмо жадной пѣтъ милости, но еще и ругаютъ насъ и уничижаютъ и бездѣльцами называютъ, и вѣрной нашей службы въ полущку не ставить, а наконецъ и о гибели нашей промысляють.»

Зачалося потомъ дѣло фортификаціи Печерской, наступили переходы черезъ Малороссійскіе города до главной армен то рекрутовъ, то всякихъ начальныхъ особъ, то многочисленныхъ съ запасами и припасами обозовъ, а полковники съ старшиною своею часто, до гетмана приходя, жалостивъ предлагали, что приставы у того дѣла фортификаціи козаковъ палками по головамъ біють, уши шпадами обтирають и всякое поруганіе чинять, что козаки, оставивши дома свои, кошовицу и жнива, поносятъ на службу царскаго величества тяготу дней и варъ, а тамъ Великороссійскіе люди дома ихъ разграбляютъ, разбирають и палятъ, жонамъ и дочкамъ ихъ насиліе чинять, кони, быдло и всякую худобу забирають, старшину біють смертными побоями. Надъ то два полковники, Миргородскій и Прилуцкій, яко началѣйшіе и паче иныхъ болшее до Мазепы дерзновение имѣвши, одозвались съ тымъ: Миргородскій сказалъ ему Мазепѣ: «очи всѣхъ на тя уповають и не дай, Боже, на тебе смерти а мы достанемо въ такой неволи, то и купи насъ загребуть». А Прилуцкій подтвердилъ тыми словами: якъ мы за душу Хмельницкого всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украинну отъ ига Ляцкого свободилъ, такъ противнымъ способомъ и мы и дѣти наши во вѣчные роды душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ за гетманства своего по смерти своей въ такой неволи оставишь.» А когда таковыми переговорами часто ему Мазепѣ наприкрался, отказалъ имъ тыми словами: «уже я до двору царскаго величества о таковыхъ обидахъ и разореніяхъ часто и многократнѣ писалъ и, если вамъ угодно, изберѣте отъ себе до царскаго величества, или ты Прилуцкій ѣдь, а я отъ себе съ еeneralной старшины пошлю съ тобою Орлика, и буду черезъ васъ до царскаго величе-

ства писать и чоломъ бить, чтобъ права и волности наши ненарушимы были.» Соизволили на то всё, и надежны были, что онъ Мазепа обѣщанное исполнитъ. Но по нѣсколькихъ дняхъ предложилъ намъ, будто онъ о той посылкѣ до царского величества говорилъ и совѣтовалъ съ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Голицыномъ и будто его княжая милость ему говорилъ, что то дѣло царскому величеству не угодно будетъ, и если пошлешь, то и себѣ бѣду здѣлаешь и ихъ погубишь.

Надѣлавши фортеци Печерской, когда уже зима надходила, распустилъ Мазепа, по указу царского величества, войско по домамъ и самъ до Батурина возвратился, гдѣ въ 1707 году получилъ онъ царскаго величества указъ ѣхать до его величества до Жолкви, куда пріѣхалъ онъ въ великій пятокъ предъ свѣтлымъ Воскресеніемъ, а по недѣли Ооминой былъ воинскій совѣтъ, на которомъ и ему Мазепѣ велѣно быть. Не знаяжъ, какое онъ тамъ мѣлъ неуконтентоване, понеже по томъ совѣту ни на обѣдъ до царского величества не пошолъ, а ни у себе ничего черезъ цѣлый день не ѣлъ, и когда мы, старшина епералная по обыкновенію въ свое время тогожъ дня до его пришли, застали его велии сердитого, и ничего болшъ намъ не сказалъ, кромѣ тыхъ словъ: »если бы Богу такъ вѣрнѣ и радители служилъ, получилъ быхъ наибольшое мздовоздааніе, а здѣсь, хотя бѣ въ аггела премѣшился, не могъ быхъ службою и вѣрностію моею жадного получить благодарствіа.» Тое сказавши, велѣлъ намъ одойти до своихъ кватеръ. А на завтрѣ, чили въ третій день потомъ, посылалъ онъ Мазепа знатного товарища войскового Димитріа Думитрашка съ указомъ царского величества встрѣчь противъ казны, якая отъ Кіева до Жолкви провадилася, для одобранія съ тоеи же казны, чаю, 10,000 рублей, отъ его царского величества определенныхъ на заплачене за кони, которые подъ драгунію за полковые денги покуплены были. Тотъ убо Думитрашко, получа указъ царского величества въ канцеляріи, принеслъ до Мазепы купно съ листомъ отъ свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича до Танского полковника компанійского, а нынѣ Кіевского, себѣ данный, который онъ Мазепа вида, удивилъсѣ и велѣлъ ему Думитрашку, тотъ часъ ѣхать съ указомъ противъ казны, а листъ его свѣтлости оставить и предъ собою положить, который онъ по отъшествіи Думитрашка когда распечаталъ и прочиталъ, порвалъсѣ съ мѣста отъ гнѣву для того, понеже въ томъ листѣ написанъ былъ до Танского ординансъ, чтобъ онъ съ кватеръ своихъ, выбравши на шесть, чаю, мѣсяцей мѣсячные денги и провіанты, ишолъ немедленно съ полкомъ своимъ до его свѣтлости; и того ради разъярившися, закричалъ тако: »Если жъ мо-

жетъ быть большое поруганіе, посмѣяніе и уничтоженіе моей особы надъ тою! По всякъ день князь Александръ Даниловичъ съ мною видится, по всякъ часъ съ мною конверсуетъ, а мнѣ и единого слова о томъ не сказавши, безъ моего вѣдома и согласія ординансы до людей рейменту моего посылаетъ! И кто жъ тамъ Танскому безъ моего указа мѣсячные денги и провіанты выдастъ, и якъ онъ можетъ безъ воли моей куда нибудь съ полкомъ своимъ, которому я плачу, идти, а если бъ пошолъ, то бъ я его велѣлъ якъ пса розстрѣлять. Боже мой, ты видишь мою обиду и уничтоженіе!« Тѣмъ временемъ принеслъ діаволь вмѣсто себя съ Лвова езуиту Зарленского, о которомъ, когда ему Мазепѣ донесено, что стоитъ въ антикамерѣ, внезапно оставилъ гнѣвъ и радостно спросилъ: «а онъ откуда явился?» Тое сказавши, велѣлъ обозному епералному Ломѣковскому и мнѣ просить до себе того проклятого езуиту во внутреннюю комнату, а намъ до кватеръ своихъ одійти. Тамъ убо на единѣ съ собою затворившись, о чомъ черезъ долгое время конферовали, самъ Богъ вѣсть, понеже онъ езуита, кроме того, что его Мазена посылалъ въ Саксонію до Станислава, болше ничего мнѣ въ Бендерѣ не объявилъ, экскузующися присягою, на додержане секрету учиненою; однакъ я наименшой и въ тѣ пори не могъ мѣти суспиціи о Мазепиной невѣрности къ царскому величеству.

А когда его Мазену царское величество съ Жолкви съ благословенія памяти государемъ царевичемъ отпустилъ, въ томъ пути уѣхавши онъ нѣсколько миль отъ Жолкви, просилъ его государя царевича, чтобъ передомъ ѣхалъ; а самъ съвернувши съ дороги, вступилъ до единого дворца княгини Долекой, гдѣ отъ ей присланного одного ксеіендза закону тринитарского заставши, мѣлъ съ нимъ наединѣ якуюсъ конференцію, а по сконченіи оной, постигъ государя царевича и континуовалъ съ нимъ прележащій путь. Но ни въ то время не было у насъ о невѣрности его Мазены къ царскому величеству жадного подзору; мнѣніе токмо имѣли что она княгиня, требуя взаимъ денегъ, для выкупленія своихъ клейнотовъ, прислала съ прошеніемъ оныхъ, о которые предъ тымъ и словесно и черезъ писма просила.

Прибывши Мазена въ Кіевъ и выпровадивши государя царевича въ путь свой къ Смоленску, возвратился самъ до Батурина, и тамъ нѣсколько дней переживши, воспріалъ походъ наки къ Кіеву, для доконченія фортецы Печерской, где получилъ указъ царского величества о устроеніи козаковъ, подобіемъ Слободскихъ полковъ, въ пятаки, который такъ устрасилъ и раздражилъ былъ всѣхъ полковниковъ и старшину, что цѣ-

ле отчаявшись своихъ волностей, ни о чомъ иномъ не говорили, только что тотъ выборъ пятаковъ, степень есть до устроения въ драгуны и солдаты, для чего много ронтали и часто собиралися до обозного егеря Ломъковского, а навсиче повседневно до полковника Миргородского, у котораго и о способахъ обороны своей совѣтовали, и пакта Гадяцкіе читали, якіе тотже полковникъ Миргородскій съ бібліотеки Печерской взялъ былъ, а потомъ покойнику Кочубею, въ донесеніе царскому величеству обманническо, на погибель его бѣднаго, при иныхъ ложныхъ сплетеніяхъ, объявилъ, будто тые совѣты у гетмана въ Печерскомъ бывали, и на оныхъ пакта тые Гадяцкіе предъ полковниками и старшиною читывалися, а того въ самомъ дѣлѣ никогда не было, понеже онъ Мазепа ни единого по себѣ знаменія, ни словомъ, ни дѣломъ, въ откровеніе внутреннихъ своихъ мыслей и всезлюбныхъ намѣреній, никому не являлъ, но покрывалъ оныя притворною вѣрностію; обаче, яко ничтоже есть тайно, еже не откритися, тако и мнѣ случися изслѣдовать сокровенную тую его Мазепы съ противною стороною факцію такимъ-образомъ.

Въ томъ же 1707 году, сентября въ 16 день, тамъ же на службѣ царскаго величества въ Печерскомъ, писалъ я отъ Мазепы до двору его величества (не упаматаю, въ якихъ дѣлахъ) долгую експедицію, которую писанемъ продолжилъ до ночи; а онъ Мазепа, не терпя того продолженія, часто съ внутренней своей комнаты вопрошалъ мене, если уже скончилъ, принуждая скоро окончить и сказывалъ, что есть еще иное дѣло. По окончаніи убо тоей експедиціи, запечаталъ я и положилъ оную на столъ предъ Мазепою, а онъ, держа рукою въ маленькой обволотѣ писмо, рекъ до мене: «княгиня Долская черезъ единого Волошина прислала тое писмечко, зашивши ему въ шапку. Я знаю, что она едпожъ пишетъ, а чортъ ей проситъ о тую корреспонденцію; когдась мене тая шаленая баба погубить, и не дармо сказуютъ: у невѣсты волосъ долгій, а разумъ краткій. Возможно ли есть, чтобъ она една баба дурнымъ своимъ разумомъ мене обманяла!» То рекше, далъ мнѣ тое писмечко, и велѣлъ распечатать и прочитатъ. А я, приступя до свѣчки, которая была умбракуломъ отъ очей его Мазепы заслонена, распечаталъ обволоту и вынялъ съ ней писмо цифрами писаное отъ княгини Долской, въ которомъ былъ заключенный маленьки листокъ подъ печатью особною, о якомъ я надѣяся, что такожде отъ княгини и не смотря на печать, распечаталъ, и увидѣлъ въ серединѣ при печати подпись Stanislaw Krol, о чомъ я не скажу ему Мазепѣ, прочиталъ самъ первѣе съ разсужденіемъ тотъ ли-

стокъ; а когда Мазепа видѣлъ, что я молчу и голосно ему не читаю цифернаго писма, сказалъ: »для чого ты долго медлишь и не читаешь? ты обиклъ тые писма, до якихъ имѣешь у себе циферные ключи, и безъ переводу читать.« Отвѣщаль я на тое: прочитаю я на нѣмъ и безъ ключа циферное княгини писмо, но есть здѣсь листокъ отъ Станислава, до котораго не надобно ключа. »Что онъ услышавъ, сказалъ: то не возможно.« Реклъ я ему: »возможно, понеже есть и подписи имени его и печать.« Велѣлъ онъ прето дати къ себѣ тотъ листокъ, который когда взялъ, увидѣлъ и прочиталъ, ужаснулся, и отъ страху съ рукъ на столъ упустилъ, рекши тые слова: »о проклятая баба, погубишь мене!« И долго сидѣлъ молча и думая, а потомъ допросилъ мене: »что мнѣ дѣлать съ тымъ писмомъ, посылать ли его до царскаго величества, или удержать?« Отвѣщаль я ему: »самъ, ваша велможность, изволишь разсудить высокимъ своимъ разумомъ, что надобно посылать, чимъ самымъ и вѣрность свою непоколебимую явишь и большую милость у царскаго величества получишь.« А тое я ему мовилъ, не помышляя о его измѣнѣ. Замолчалъ онъ на тое, и долго молча думалъ; потомъ велѣлъ мнѣ читать листъ циферный отъ княгини Долеской, въ которомъ она извѣщала ему Мазепѣ, что ксїондзъ Тринитаръ, посланный отъ ей до двору Станислава въ Саксонію, выѣхалъ оттуль тогожъ самого дня, якогъ войска Шведскіе къ Полци рушали, и повернувшись уже съ тымъ писмомъ, якое до его отъ Станислава прислала, и съ словесною інформаціею, чтобъ намѣренное дѣло зачиналъ, пока войска Шведскіе зближаются къ границамъ украинскимъ; а привезлъ съ собою и трактатъ въ 12 пунктахъ для его Мазепы, и цѣлого Войска Запорожскаго, по которой абы онъ вѣрнаго кого до ей прислалъ, просила о тое. Когда я тое писмо прочелъ, припоманулъ себѣ, что тотъ, а не иншій ксїондзъ Тринитаръ, съ которымъ онъ Мазепа, будучи съ Жолкви, видѣлся и конферовалъ въ дворцѣ княгини Долеской, и въ тое уже время совершенно я порозумѣлъ, что онъ Мазепа думаетъ лукавое о измѣнѣ. По прочитанію того писма, велѣлъ мнѣ оное передъ собою спалить, а самъ молчалъ долго и думалъ; потомъ сказалъ: »съ умомъ боруся, посылать ли тое писмо до царскаго величества, или удержать? о чомъ утро посовѣтуемъ, а теперъ одийди до своей кватири, и молися Богу, да якоже хочеть, устроить вещь: можетъ твоя молитва быть прїятнѣйшая, нежели моя, понеже ты по христіанску живешь. Богъ Самъ вѣсть, что я не для себе чиню, но для васъ всѣхъ и жонъ и дѣтей вашихъ.« Тое рекши, отпустилъ меня поздно въ ночи. А я, пришедши до моей кватири и взявши денегъ два рубли, выйшолъ и роздалъ

оныя старцамъ и старицамъ бѣднымъ убогимъ, лежачимъ въ куцахъ на улицѣ и въ богадѣльняхъ въ Печеркомъ застающимъ, съ тымъ намѣреніемъ, чтобъ Богъ Всемогущій свободилъ мене отъ обстоимыхъ бѣдъ и отвратилъ сердце Мазепино отъ того лукавого предся взятія. Бранили мене старци и старицы, по улицѣ лежачіи, когда въ нощи толкалъ въ ихъ кущи, не милостини отъ мене надѣяся, но паче воровства опасаяся; однакожь, слыша отъ мене не воровскіе слова, убиженны прошеніемъ отворять дверци, и пріймали подаемую себѣ милостиню. Нелицемернымъ духомъ и не въ похвалу себѣ тое до вашей святини пишу, но въ откровеніе на исповѣдъ сей совѣсти моей, что устрашалеся твоей измѣны, дабы въ ней зъ жоною и съ дѣтми не пропасть и не хотѣлемъ къ ней сердца моего прекланять. Но врагъ сіе сотвори, что прелщенный въ боязни согрѣшихъ.

По прешедшей той ноци сентябрю въ 17 день, прійшоу я до Мазепы призванный рано, и засталъ его сѣдячого въ концѣ стола, а предъ нимъ крестъ съ животворящимъ дровомъ лежачій, и когда я ему Мазепѣ предсталъ, началъ онъ до мене тыми говорить словами:

»До сего часу не смѣлъ я тебѣ прежде времени намѣренія моего и тайны тоей объявлять, якая тебѣ вчера по случаю открылася, не для того, чтобъ я о твоей къ себѣ вѣрности имѣлъ какое подозрѣніе, понеже никогда не могу такой быть о твоей почтливости опини, дабы ты за толикую мою къ тебѣ милость, любовь и благодарѣніе, неблагодарствіемъ мнѣ платилъ и предателемъ моимъ былъ; но разсуждая, что ты хотя человекъ разумный и совѣсти не подозрѣнной, однакъ еще молодой, и несовершенную въ таковыхъ циркумстанціяхъ имѣешь експеріенцію, опасалемъся, дабы ты и съ Великороссійскими и съ нашими всякого чина людьми конверсуючи, или съ конфиденціи или съ неосторожности не вымовилъся предъ кимъ съ тымъ секретомъ, и тымъ самымъ мене и себе не погубилъ. А понеже теперь предъ тобою не могло то утаится, прето предъ Всевѣдущимъ Богомъ протестуюся и на томъ присягаю, что я не для приватной моей ползы, не для вышнихъ гоноровъ, не для болшаго обогащенія, а ни для иныхъ яковыхъ побудъ прихотей, но для васъ всѣхъ, подъ властію и реиментомъ моимъ застающихъ, для жонъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей отчизны бѣдной Украины, всего войска Запорожскаго и народу Малороссійскаго, и для подвышшенія и разширення правъ и волностей войсковыхъ, хочу тое при помощи Божой чинити, чтобъ вы, зъ жонами и дѣтми, и отчизна съ войскомъ Запорожскимъ такъ отъ Московской, якъ и отъ Шведской стороны, не погибли.

А если бымъ для якихъ нибудь частныхъ моихъ прихотей тое дерзалъ чинить, побій мене, Боже, въ Троицы святой единый и певинная страсть Христова, на души и на тѣлѣ. » То рекши поцѣловаль крестъ съ животворящимъ древомъ предъ собою лежацій. А до мене обратившися, рекль тые слова: » Держу я о тебѣ крѣпко и надѣюся, что а ни совѣсть твоя, а ни цнота, а ни почтивость, ни вроженная кровь шляхецкая, не допуститъ тебѣ, абысь мене пана и благодѣтеля своего зрадилъ, однакожъ для лучшей конфиденціи, чтобъ я о твоей вѣрности наименшого не мѣлъ сумнѣнія, якъ я присягнулъ, такъ и ты присягни мнѣ предъ тымъ же распятымъ на животворящемъ древѣ Христомъ, что мнѣ додержишь вѣрности своей и секрету. »

Въ чомъ я указъ его Мазепы исполняя, якъ мнѣ изъ устъ своихъ говорилъ, такъ я, словамъ его послѣдуя, присягль и крестъ святой въ рукахъ его поцѣловаль.

По совершеніи присяги, дерзнулъ я сказать ему Мазепѣ тое: » съ самою присяги вижу усердную велможности вашей ревность и отческое о отчизнѣ своей и о всѣхъ насъ промышленіе и попеченіе, но хто можетъ судьбы Божіи изслѣдовать, якіи онъ настоящей войнѣ предѣль положилъ и при комъ будетъ викторія? если при Шведахъ, то велможность ваша и мы всѣ щасливчи; а если при царскомъ величествѣ, то и мы пропадемъ и народъ погубимъ. » Отвѣщаль мнѣ Мазена на тое: » яйца курицу учать! азъ жъ я дуракъ, прежде времени отступать, пока не увижу крайней нужды, когда царское величество не доволенъ будетъ, не токмо Украины, но и государства своего, отъ потенціи Шведской оборонить; уже я въ Жолквѣ предлагаль царскому величеству, что если король Шведскій и Станиславъ съ войски своими раздѣлятца, и первый пойдетъ въ государство Московское, а другой въ Украину, то мы войскомъ нашимъ безпланнымъ, частыми походами и войною зруйнованнымъ и умаленнымъ, не можемъ оборонитца отъ войскъ Шведскихъ и Полскихъ, и того ради просилъ я царского величества, тамъ же въ Жолквѣ, чтобъ принамити намъ 10,000 отъ войскъ своихъ регулярныхъ въ суккурсъ изволилъ дать, а его величество мнѣ отказаль: » не токмо 10,000, но ни десять челоѣка не могу дать; якъ можете, сами боронитесь. » И тое мене принудило посылать того ксендза тринитаря, канцеляна княгини Долской (а о езуитѣ Заленскомъ ани вспомянулъ) до Саксоніи, чтобъ тамъ, видя якую колвекъ мою къ себѣ инклинацію, но непріятельску съ нами не поступали, и огнемъ и мечемъ бѣдной Украины не зносили; однакъ вѣрность мою къ царскому величеству поти буду неперемѣнно продолжать,

пока не увижу, съ якою потенцією Станиславъ къ границамъ Украинскимъ прійдетъ и якіе будутъ войскъ Шведскихъ въ государствѣ Московскомъ прогресса; и если не сила наша будетъ бороться Украины и себе, то для чего жъ имѣемъ сами въ погибель лѣсти и отчизну погубляти? и самъ Богъ и цѣлый свѣтъ будетъ видѣти, что по нуждѣ тое учинились мы и, яко волный незавоеванный народъ, старались о способѣ цѣлости нашей, а безъ крайней и послѣдней нужды не премѣню я вѣрности моей къ царскому величеству. И для того заблигоразсудилъ писать къ царскому величеству и послать тотъ Станиславовъ листокъ до мене писанный въ объявленіе его величеству моей вѣрности, о чемъ ты заразы, не отходя отсюда, напиши такъ до царского величества, яко и до Гаврила Ивановича Головкина, и въ его листѣ заключимъ тотъ листокъ Станислава въ донесеніе царскому величеству. И тогожъ времени информовалъ мене онъ Мазепа, якъ мѣю оба два тые листа къ его царскому величеству, и до сѣятельнѣйшаго графа его милости Гаврила Ивановича Головкина, писалъ, которые когда я по его информации написалъ и запечаталъ, взялъ онъ тѣ письма до рукъ своихъ, сказывая мнѣ, что яже матка его плуменія Печерская мѣсть у себе вѣрного слугу и отчасти сродственнаго, черезъ которого общала послать тѣ письма до Войнаровского, чтобъ онъ руками своими отдалъ царскому величеству и графу его милости Гаврилу Ивановичу. Але онъ Мазепа обманялъ мене въ томъ и, не посылая тыхъ писемъ съ листомъ Станислава, у себе удержалъ, опасаяся, чаю, чтобъ я его не предалъ, имѣя въ рукахъ своихъ документъ, и уже когда мы были на сторонѣ Шведской, отдалъ мнѣ тѣ письма запечатанные, рекши, чаю, ложитъ тѣ слова: «я тебѣ до сихъ часъ забылъ сказать о тыхъ писмахъ, что госпожа добродѣйка матка не посылала оныхъ до Войнаровского, но удержала у себе, и передъ кончиною своею вручила внучцѣ своей, а моей племянницѣ паннѣ Маріаннѣ, и велѣла ей отдать мнѣ по смерти своей и тое сказать, что она госпожа матка просила единой по Бозѣ живучей черниці о молитвы до Господа Бога, дабы онъ самъ управилъ тое дѣло, если надобно посылать или удержать тые письма; и будто тая черница имѣла якоесь откровеніе, что если тѣ письма до царского величества пошлутся, то гетманъ погибнетъ.

Писма тые съ тремя грамотами царского величества, въ дѣлѣ Кочубея и Пекри писанными, вложилъ я до шкатулки, гдѣ были клейноты жоны моей и килка тысячей червоныхъ, якую шкатулку единую тылко по баталіи Полтавской до карету своей жона моя вставила, и черезъ Дитиръ въ единой токмо сукнѣ зъ дѣтми переправилась, а все мои

животы въ 30 возахъ съ сѣбромъ и съ грошми надъ Дибромъ пропали, и тымъ способомъ писма помянутые у мене остались, съ которыхъ едно до царскаго величества писаное, съ листкомъ прелестнымъ Станислава, до рукъ вашей святыни посылаю ⁽¹⁾, дабы ваша святыня вѣдалъ, что черезъ инструментъ того листка отворилася мнѣ сокровенная тайна факціи и конителліенціи Мазепиной съ противною стороною, а кромѣ того листка, ни единого я писма отъ Станислава у его Мазепы не видѣлъ, и не вѣдалъ, если онъ съ нимъ имѣетъ корреспонденцію; и уже въ Бендерѣ, по смерти Мазепиной, явились двѣ писмѣ отъ Станислава, которые Иванъ Максимовичъ, писарь мой прежній епералный, усмотривши у Войнаровскаго въ квартири его гдесъ лежачіе, тайно взялъ и мнѣ объявилъ.

На завтрѣ убо по написаню предвоспомянутой до двору царскаго величества о томъ Станиславовомъ писмечку экспедиціи, то есть сентемвріа 18 день, велѣлъ мнѣ Мазепа отписать до Станислава цифрами тыми, которыми съ княгинею Долскою корреспондовалъ, а въ писмѣ томъ объявлялъ онъ Мазепа Станиславу, что указу его не можетъ исполнить и жадного дѣла не смѣетъ начинать съ тыхъ рацій: первая, что Кіевъ и пинные фортецы въ Украинѣ великими гваринзонами осажены, подъ которыми козаки, якъ перепелица подъ ястребомъ, не могутъ головы поднести, а въ подтверженіе того припоминалъ онъ Мазепа, якъ за гетмана Брюховецкаго гваринзоны Великороссійскіе, выбѣгая съ фортець, окрестные города и села огнемъ и мечемъ руйновали. Другая, что потенція вся царскаго величества въ Полци не въ такъ далекомъ разстояніи отъ Украины, якъ войска Шведскіе застають. Третья, что въ Украинѣ и началныи и подначалныи, и духовныи и мірскіи, якъ розные колеса, не въ единомыслиюмъ суть согласіи, и едины благоволятъ въ протекціи Московской, другіи склонны суть до протекціи Турецкой, третіи смакують себѣ побратимство Татарское, чинячи тоє зъ ворожою къ Полякамъ антипатіи. Четвертая, что Самусь съ прочими полковниками, старшиною и козаками, по недавнихъ бунтахъ въ сегобочной Украинѣ, опасаяся отъ войскъ Полскихъ отмщенія, не латво преклонитися могутъ до Рѣчи посполитой, и того ради надобно первшъ старатца войско и цѣлый народъ до единомыслія припривадить, по обоимъ сторонамъ Дибра въ Украинѣ. Пятая, что на килка тысячей войска Великороссійскаго регулярнаго и добре екзерцитованаго и мундеровнаго, всегда при боку своемъ онъ Ма-

(1) Упомянутыя письма Мазепы и Станислава Лещинскаго помѣщены дальше. *Ред.*

зепа имѣть, которое бодримъ окомъ смотритъ на всякіе его поступки и всякое противное начинаніе довольно есть престѣкти. Шестое, что Рѣчь Посполитая есть еще раздвоеная и съ собою несогласная. Обѣщаль однакъ онъ Мазепа ни въ чомъ интересомъ его Станислава и войскомъ Шведскимъ не шкодить, но всячески отъ того оберегатца, и просилъ, чтобъ Станиславъ прежде старался Рѣчь Посполитую соединить, которая бы единогласно узнала его за пана и короля своего.

А до княгини Долской такожде велѣлъ писать, чтобъ она трактатъ той, о якомъ ознакомила, у себе удержала, а листъ отъ его писанный до Станислава експедиовала и для переводу оного ключъ отъ себе циферный послала.

Здѣ убо вашей святынѣ подѣ совѣстію объявляю, что болшъ я писемъ отъ Мазепы предѣ отшествіемъ его въ противную сторону никогда до Станислава не писалъ, кромѣ того единого вышепомянутого, а другого съ Ромна, когда уже мы были при Шведахъ, которые на сегобочной Украйнѣ перенято, и не знаю до сихъ временъ, если онъ самъ Мазепа собственною своею рукою когда нибудь до тогожъ Станислава писалъ.

Въ томъ же 1707 году, по совершеніи фортецы Печерской, распустивши Мазепа войско реинменту своего по домамъ, отѣхалъ и самъ въ послѣднихъ числахъ мѣсяца ноемвря до Батурина, куда въ самый праздникъ Рождества Христова на другій день принеслъ діаволъ по колядѣ езуиту Заленского, который неѣдучи просто до Батурина, сталъ за двѣ мили въ селѣ Оленовцѣ, и написалъ оттуль листъ до Мазепы, даючи знать о своемъ пріѣздѣ и просячи указу, гдѣ мѣсть стать. Поалтеровалъсь тымъ листомъ Мазепа, и призвавши мене предѣ себе, сказалъ тые слова: «признаюся тебѣ теперь, что я зъ Жолкви посылалъ ксендза Заленского до Саксоніи для провѣдованія, якъ скоро оттуль войска Шведскіе рушатъ, которого чортъ сюда принеслъ, и чекаетъ въ Оленовцѣ отъ мене на указъ, гдѣ мѣсть стать; и если онъ сюда пріѣдетъ, то въ явный мене вѣзмъ подасть подзоръ.» Тое сказавши, велѣлъ мнѣ заразъ до Оленовки ѣхать и выговорить ему Заленскому, что подѣ сее время не надобно было ему такъ далеко до Батурина трудитца, но паче надлежало съ Випниці о своемъ поворотѣ съ Саксоніи извѣстити и о повѣреннѣхъ себѣ дѣлѣхъ выписать реляцію, а не самому ѣхать для возгнущенія въ сердцахъ подзорныхъ противного о своемъ пріѣздѣ мнѣнія; и приказалъ мнѣ его Заленского въ Бахмачъ до дворца своего запровадити. А когда я по указу Мазепы до Оленовки пріѣхалъ, и все то Заленскому выговорилъ, удивился онъ, что о томъ секретѣ уже знаю, о якомъ ни единъ духъ, ни же

самъ Войнаровскій прежде сего вѣдалъ, яко ему въ Жолквѣ Мазепа сказывалъ. Потомъ причину своего прїѣзду донеслъ мнѣ, что онъ, вѣдая о зѣѣздѣ въ дни сіе празничные полковниковъ и старшинъ съ повѣншованиемъ гетмана нарочно на тотъ зѣѣздъ до Батурина поспѣшалъ, дабы могль унѣверсалъ Станислава до цѣлой Украины выданный, а чрезъ его присланный, всемъ объявить и словесно всякими волностями и королевскимъ особливымъ призрѣніемъ и милостію ассекуровать. Выслухавши я тоей реляціи, взялъ его Заленского зъ Оленовки и запровадилъ въ Бахмачъ до дворца, откуда, по указу Мазепы, два разы тогожъ Заленского до его на Гончаровку привозилъ, разъ для авдіенціи, а другій разъ для абшейту; при которой своей авдіенціи отдалъ Заленскій Мазепѣ унѣверсалъ Станислава до цѣлой Украины, въ якомъ онъ мужество, храбрость и отваги Войска Запорожского похвалялъ, разширеніемъ и примноженіемъ правъ и волностей обнадеживалъ и отческимъ сердцемъ подъ свою протекцію цѣлый народъ пригорнуть обѣщалъ и возбуждалъ, дабы все до его, яко до ласкаваго на себе отца и дѣдичнаго пана своего, прибѣгали, подъ головою предостойнѣйшого вожда своего и о изверженіи съшей своей ига Московского старалися, при скорой непобѣдимыхъ войскъ шведскихъ и полскихъ помощи. По отданю до рукъ Мазепы того унѣверсалу, чинилъ онъ Заленскій реляцію о войскахъ шведскихъ, якъ великіе и мундеровные и что король шведскій одною стороною отъ Литвы намѣриваетъ ити на Москву, а Станиславъ зъ другой стороны отъ Польши подъ Кіевъ, съ которымъ будто мѣла и Орда, черезъ послаирика Турецкого въ помощь декларованая, лучитися. Листу жадного приватного отъ Станислава онъ Заленскій не мѣлъ, и Мазепа, когда его отпущалъ, ничего до Станислава не писалъ, токмо велѣлъ ему Заленскому въ Винницѣ неисходно зоставать до далшой вѣдомости. И тотъ то единый токмо былъ пунктъ праведный о Заленскомъ въ донесеніи покойника Качубея, въ прочіихъ же едино было сплетеніе или мнѣніе безъ всякихъ доводовъ.

По отѣзздѣ езуиты того Заленского, разсуждалъ я всегда въ умѣ моемъ, что тая Мазепы съ противною стороною корреспонденція на крайнюю когдась мене наразитъ погибель, если царское величество съ подлинныхъ документовъ довѣдается. И того ради всегда смѣдаемъся внутренею боязнію, страхомъ и скорбію, а смотря на жону и дѣти мои, по всякъ день часто воздыхаемъ, чтобъ съ собою и ихъ не погубить, и когда колвекъ жѣна моя вопрошала мене о причинѣ такъ частого и тяжкого воздыханія, отвѣтовалемъ ей, что грѣхъ моихъ ради, которыми Бога Создателя моего прогнѣвилемъ, съ жалю воздыхаю. Не вѣрила тому жѣна

моя и всегда мене и любовію и прошеніемъ своимъ до объявленія себѣ скорби моею убивдала, однакъ обязанный будучи присягою никогда предъ нею, съ тымъ секретомъ, не выдаемься, ажъ до самого того дня, якого Мазепа до Шведовъ съ Батурина выѣзжалъ, въ который объявильмъ я ей, для чого я такъ часто воздыхалъ и въ якую теперь сторону идемъ, рекши ей наконецъ тые слова о Мазепѣ: »и самъ згинеть, и насъ погубить:« что и исполнилося. А между тою моею предъ воспоминаutoю боязнію и скорбію разсуждалемъ еще и тое, что онъ Мазепа, не мѣючи о той своей факціи жаднаго согласія съ старшиною енеральною и полковниками, не можетъ самъ безъ нихъ и безъ войска единою своею головою явственно царскому величеству измѣнить, токмо и противную сторону склонностію своею летить, и царскому величеству вѣрность свою являеть, метаяся на обѣ стороны для охраненія Украины.

Вскоре по отѣздѣ того Заленского, въ новомъ уже 1708 году въ первыхъ числѣхъ мѣсяца февруарія, воспріялъ Мазепа, по указу царского величества, военный походъ до Бѣлой Церкви, въ которомъ получилъ онъ перестрогу отъ Кочубею съ пунктами отъ его черезъ полковника Ахтирского до двору царского величества посланными, между якими былъ особый пунктъ о Заленскомъ, который барзѣй еще мене устрасиль, и отъ того времени началъ былъ я думать о способахъ салвованя себе отъ подлежащихъ бѣдъ, но отвсюду одержимъ былемъ стужающими умъ мой мыслями, понеже когда я помышлялъ въ подтвержденіе покойника Кочубея донесена черезъ кого нибудь царское величество перестеречь. съ одной стороны устрасала мене жадного въ рукахъ на писмѣ доводу не имѣющаго великоросійское жестокое и въ цѣломъ свѣтѣ необыкновенное право, черезъ которое многіи невинныи часто погибають, а именно »доводчику первый кнутъ.« А до того и самъ мене Мазепа многаяжды тыми упоминалъ словами: »смотри, Орликъ, чтобъ еси мнѣ додержалъ вѣрности; вѣдаешь ты въ якої я у царского величества милости; не замѣняютъ тамъ мене за тебе: я богатъ, а ты убогъ, а Москва гроши любить; мнѣ ничего не будетъ, а ты погибнешь.« Яко въ Бендерѣ, когда Войнаровский, по указу его Мазепы, не токмо мене оскорбилъ, но и на житіе мое настоевалъ, а я жалостнѣмъ выговаривалъ: »такое ли есть за вѣрность мою награжденіе?« отказалъ онъ: »еслибъ ты мнѣ не былъ вѣренъ, то такожь бы погибъ, якъ и Кочубей,« и того ради принужденъ я былъ отъ него удалитца до Ясѣ.

Зъ другой стороны, представляла мнѣ совѣсть христіанская присягу мою, которою на вѣрную службу ему Мазепѣ единому, яко гетману и пану своему (понеже царскому величеству будучи иноземцемъ и пришельцемъ

въ Украину, а ни на подданство, а ни на вѣрность, никогда не присягалъ,) обовязанный былемъ, и того ради почиталъ себя въ мысляхъ мопухъ за пагубу душевную, не токмо клятвопреступникомъ, но и предателемъ пана и добродѣя своего, быть, и воздать ему неблагодарнымъ сердцемъ злая возъ благая, ненавѣсть за возлюбленіе и за хлѣбъ ядъ смертоносный.

Наконецъ, ставалъ мнѣ всегда въ мысли покойникъ Мокріевичъ, который будучи въ томъ же, въ якомъ и я былемъ, писарства енералного чину, у гетмана Демяна Многогрѣшнаго, чи праведно, чили неправедно, Богъ вѣсть, обвинилъ его, гетмана своего, о противные государству Россійскому съ Дорошенкомъ пересылки и согласія и предалъ его лестію въ ссылку въ Сѣбиръ; а якужъ напотымъ за тое имѣлъ честь? и уряду писарского отъ Самуйловича лишился, и зъ Украины изгнанный былъ, и на всякомъ мѣстѣ чрезъ все житіе свое предательствомъ укоряемый и поносимый былъ и отъ мирскихъ и отъ духовныхъ особъ, наипаче отъ блаженныя памяти преосвященнаго архіепископа Чернігвского Лазара Барановича, который, когда колвекъ его Мокріевича въ церквѣ или на обхожденіи видѣлъ, во услышаніе всѣмъ и ему самому именовалъ его Іудею, пана своего предателемъ, а сыновъ ехиднинымъ порожденіемъ, и когда антидору ему давалъ, всегда обыклъ былъ тые мовить слова: »и Христосъ Іудѣ хлѣбъ далъ, и по хлѣбѣ вниде вошь сатана.«

И съ тыхъ прето мѣръ разсуждая и жестокость уложенія Великороссійского на доношковъ узаконеннаго и душе-пагубное клятвопреступленіе и безчестный и мнѣ и дѣтемъ моимъ предательства порокъ, колибаемься умомъ и неспокойными по всякъ день мыслями. А тѣмъ временемъ получилъ въ Бѣлой Церкви Мазепа першъ въ собственноручномъ царского величества писмѣ, потомъ въ публичныхъ грамотахъ, милостивое егожъ величества обнадеживане, что какъ Кочубею, такъ и впредь иннымъ на непорочную его Мазепы вѣрность клеветникомъ, никакая вѣра не подается, но всякъ таковой восприметь достойную казнь. Якое царского величества обнадерживане отвратило мене отъ тыхъ мыслей, а наипаче кода видѣлемъ его Мазепу великою боязнію одержимаго и въ словахъ кающагося того своего начинанія. По тое поканіе въ скорѣ претѣплося въ раскаяніе, понеже обозный енералный Ломѣковский и полковники Миргородскій и Прилуцкій, до которыхъ присовокупилися на потымъ и Лубенскій, видя Мазепу въ боязнь и въ небезпеченствѣ, часто ему въ Бѣлой Церквѣ стужали, чтобъ и о своей и о общей всѣхъ

цѣлости промышлялъ, общая, при его достоинствѣ и при оборонѣ правъ и волностей войсковыхъ до крове, стоять, и въ наибольшемъ нещастіи не отступать его, яко вожда и рейментара своего, а чтобъ о постоянной ихъ къ себѣ вѣрности и доброжелательствѣ не усумнивался, просили его о клятвенную роту, съ которой бы могли ему на вѣрность свою присягнуть, созволилъ Мазепа по долгомъ себѣ о томъ стужаніи, и велѣлъ обо-зному енералному Ломѣковскому, абы онъ самъ такую, якая имъ угодна будетъ, клятвенную роту написалъ.

Исполнилъ тое Ломѣковскій по согласію своихъ единомысленниковъ, и написаную отъ себе роту подалъ Мазепѣ, которую онъ исправивши и призвавши ихъ тамъ же въ Бѣлой Церквѣ предъ себе, одобравъ отъ нихъ на вѣрность къ себѣ въ избѣ своей приватне присягу съ цѣлованіемъ креста и Евангелія святаго, а потомъ и самъ на томъ же Евангеліи присягъ имъ въ таковыхъ же терминахъ, якъ и предъ мною въ Печерскомъ присягалъ. И для того-то, по многократныхъ царского величества указахъ, полковника Миргородского Мазепа подъ арештъ не бралъ, но всячески его охоронялъ, понеже онъ былъ съ нимъ въ согласіи поприсяжникомъ. Я убо расуждая, что тая Мазепина съ противною стороною факція можетъ по времени укрѣпитца и свое воспріять совершенство, когда енералная старшина и полковники почали уже приступать къ единомыслію, умыслихъ былъ опую пресѣкъ такимъ образомъ. Былъ тамъ же въ Бѣлой Церквѣ при канцеляріи нашей войсковой единъ подъячій отъ свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича, для наученія Малороссійскаго языка и писма данный, которого я хотѣлъ крестнымъ цѣлованіемъ на секретъ обовязать и послать до свѣтлѣйшаго князя съ донесеніемъ тайнымъ, дабы отъ царского величества была якая особа знатная прислана для одобрена присяги отъ гетмана, енеральной старшины, полковниковъ и сотниковъ, понеже гетманъ, будучи оклеветанъ отъ Кочубея, въ великой боязнѣ и отчаяніи милости монаршеской zostаетъ, а старшина енералная и полковники часто роищутъ за многіе обиды и нарушенія правъ и волностей своихъ. И такимъ способомъ намѣривалъ я, безъ поврежденія совѣсти и присяги моей, и факцію Мазепину пресѣкъ и старшину всю отъ оной отвратить, по тогожъ времени пришла вѣдомость, что Кочубея и Искру безъ всякаго розыску на пытку брано, кнутовано и мучено и общано ихъ прислать къ Мазепѣ для воспріятія смертной казни; якая вѣдомость мене утратила, и того ради принужденъ я былъ оставить тое умышленіе, опасаяся такой же и на себе погибели. *Felix quem facit aliena pericula cautum.*

Объявлю тое вашей святыни подь совѣстію по самой истинѣ; а если бымъ въ томъ предъ вашей святынею лгалъ, да разрушить мене Богъ до конца.

Перешолъ потымъ Мазепа съ войскомъ рейменту своего съ сегобочной Украины на тамтую сторону Днѣпра, где, когда получилъ вѣдомость, что король Шведскій отъ Смоленска обратился къ Украинѣ, сказалъ тые слова: «діаволь его сюда несетъ! всѣ мои интереса превратить, и войска Великоросійскіе за собою внутрь Украины впровадитъ на послѣднюю оной руїну и на нашу погибель!» — А въ томъ времени одобралъ онъ Мазепа царского величества указъ, чтобъ съ войскомъ рейменту своего шолъ въ слученіе, чаю, съ енераломъ Инфлянтскомъ для паленя въ полку Стародубовскомъ некрѣпкихъ городковъ, селъ, гуменъ и млыновъ ординованого, но онъ Мазепа иначе себѣ тотъ указъ тлумачилъ и мѣлъ, будто его къ енералу тому хотять приманить и къ рукамъ своимъ прибрать, и того ради велѣлъ Миргородскому, Прилуцкому и Лубенскому полковникамъ до обозного енерального Ломѣковского собратца, до которыхъ и мене послалъ, и велѣлъ имъ предложить, если мѣютъ по указу царского величества въ слученіе сътымъ енераломъ итить. Отказали на тое все единогласно, чтобъ не ишолъ, и совѣтовали, дабы немедленно до короля Шведского посылалъ съ прошеніемъ о протекцію, поспѣхъ и старался съ нимъ злучится при границахъ, чтобъ не допустить войскъ Великоросійскихъ въ Украину; просили токмо его о объявленіе, чего имѣеть съ цѣлою Україною и Войскомъ Запорожскимъ надѣяться, на якомъ фундаментѣ тую онъ машину заложилъ. Извѣщалъ онъ Мазепа на тое съ гнѣвомъ тыми словами: «для чого вамъ о томъ прежде времени вѣдать? спуститесь вы на мою совѣсть и на мое подлое розумѣшко, на которомъ вы не заведетесь болшъ; я по милости Божой мѣю розумъ еднѣ, нижъ вы все;» и обратившися до Ломѣковского сказалъ: «ты уже свой розумъ выстарѣлъ, а на мене: у того еще розумъ молодой, дитинный;» а о посылкѣ до короля Шведского отвѣтовалъ: «самъ я буду вѣдать, якого часу послать;» и съ гнѣвомъ вынявши съ шкатулы своей унѣверсалъ Станислава отъ Заленского принесенный, велѣлъ мѣ предъ нами прочитать, зъ которого были контенты.

Въ скорихъ потымъ числахъ пришолъ дворъ царского величества до Глухова при пѣхотѣ, откуда писано многократнѣ до Мазепы, чтобъ давши кому инному вѣрному коменду надъ войскомъ, самъ прѣжджалъ въ Глуховъ для совѣтовъ, въ такомъ состояніи часто потребныхъ. Требовалъ онъ Мазепа и въ тѣ пори совѣту своихъ единомышленниковъ, если мѣеть

ѣхать до двору царскаго величества въ Глуховъ; но они окрикнули его, что если поѣдешь, то и себе и насъ и Украину погубишь. А тое онъ чинилъ, чаю, искушая и предлагая имъ склонность свою внѣшнюю до отъезду въ Глуховъ, а внутрѣ о томъ и не помышлялъ, понеже всегда донесене о себѣ Кочубея въ умъ мѣючи, опасался и мѣлъ, будто его хотятъ министры къ себѣ приманить и, къ рукамъ прибавши, дѣло Кочубеево отновить и розыскать, наипаче когда мѣлъ вѣдомости съ Полши, что тамъ всеюда о его Мазениной съ Станиславомъ согласіи и факціяхъ прославлено и рознеслося, и того ради притворилъ онъ себѣ было болѣзнь, и оною предъ министрами царскаго величества екзекузовался. —

А когда обозный генералный Ломѣковский и полковники помянутіи часто Мазенѣ стужали о посылкѣ до короля Шведскаго, ординовалъ мене до нихъ едного вечера, чтобъ крайнѣ постановили, если посылать или оставить тую посылку, чаю, и въ тѣ пори ихъ искушая; о чомъ когда я имъ предложилъ, отвѣщаль Ломѣковский именемъ своимъ и прочіихъ жалѣяся на такую его Мазены оспалось и умедленіе, что на многократныя ихъ предложенія и прошенія не токмо давить не посылалъ и не одозвался до короля еще при границахъ, и тымъ своимъ умедленіемъ на руину и на всенародное кровопролитіе впровадилъ все силы Великоросійскіе въ Украину, но и теперь, когда уже подъ носомъ Шведы застають, невѣдомо для чого медлить. Возвратился я отъ Мазены съ тоєю отъ нихъ реляцією, которой онъ выслухавши, розгнѣвался и сказалъ: «знаю я, что не хто иншій тое переговариваетъ, токмо тотъ чортъ лысый Ломѣковский.» И призвавъ ихъ къ себѣ, зъ великимъ гнѣвомъ сказалъ: «вы не совѣтуете, токмо о мнѣ переговоруете; берн васъ чортъ! я, взявши зъ собою Орлика, до двору царскаго величества поеду, а вы хочъ пропадайте.» Потымъ умягчившись, и оставивши гнѣвъ, вопрошалъ ихъ, если посылать до короля. Отвѣщали они: «якъ же не посылать? давно тое надлежало учинитъ, и теперь не треба откладывать.» — Услышавъ тое Мазена, велѣлъ того жъ часу Быстрицкого призвать, и при всехъ насъ присягнуть ему на секретъ, а мнѣ приказалъ написать ему инструкцію до грааа Пипера Латинскимъ діалектомъ, зъ которой учинилъ переводъ по Пѣмецку атнекаръ его Мазены, и сътымъ переводомъ, ни такимъ ни сякимъ безъ подпису, безъ печати и безъ жадного ни до короля, ни до Пипера писаного листу отъ себе, выправилъ назавтрѣ Быстрицкого, придавши ему за толмача едного невольника Шведскаго: а въ той инструкціи, ни подписаной рукою Мазены ни припечатаной, объявлялъ онъ Мазена великую свою радость съ пришествія королевскаго величества въ Украину, просилъ

себѣ, Войску Запорожскому и всему народу о протекцію и о освобожденіе отъ тяжкого ига Московскаго, предлагалъ великое свое небезпеченство, и также просилъ о скорое прислане помощественнаго себѣ для обороны войска, для котораго переправы обѣщаль онъ на Деснѣ у пристани Макошинской паромы мѣти въ готовности. Повернулся вскорѣ Быстрицкій съ утѣною реліціею, что самъ король обѣщаль до тоей притани съ войскомъ поспѣшить въ пріидучій пятакъ, то есть 22 октоврія. На который день надѣялся и ожидалъ Мазепа пришествія королевскаго, но не получилъ совершенства своей надежды. А въ 23 день того-же октоврія, въ субботу, прибѣгъ Войнаровскій въ Борзну до Мазепы, избѣгши тайно отъ свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича, и объявилъ, что его свѣтлость завтра въ недѣлю будетъ въ Борзнѣ на обѣдъ и будто онъ Войнаровскій для того, оставивши свои возы и челядь, тайно отъ его свѣтлости бѣжалъ, что нѣякій офицеръ Нѣмецкой породы другому офицеру въ кватерѣ его, Войнаровскаго, тые слова говорилъ: «пожался, Боже, тыхъ людей: завтра они будутъ въ кайдауѣхъ.» О чомъ если онъ Войнаровскій слышалъ, или былъ отъ Мазепы для прелщенія насъ такъ говорить о томъ научонный, досели не знаю. По полученію той вѣдомости о близости свѣтлѣйшаго князя и о пришествіи его свѣтлости наутріе въ Борзну, порвался печаянно Мазепа, якъ вѣхоръ, и поспѣшилъ въ вечеръ, поздно того-жъ дня въ субботу до Батурина, а на завтрешній день въ недѣлю рано, 23 октоврія, переправившись чрезъ Сеймъ рѣку, прибылъ вечеръ до Корона, где переночовавши, рано въ понедѣльякъ 24 того-жъ переправился нагле черезъ Десну и въ ночи прибылъ до regimentу Шведскаго драгунскаго, за Орловкою въ одномъ селѣ стоячаго на кватерахъ, откуль обознаго енералинаго Ломѣковскаго и мене выправилъ до короля, а и самъ вскорѣ туда жъ поспѣшилъ. —

А когда переправившись Мазепа съ вонскомъ Шведскимъ черезъ Десну, получилъ первую вѣдомость о взятіи и спаленіи Батурина, жалоснимъ былъ, и сказалъ тые слова: «злые и нещастливые наши початки! знатию, что Богъ не благословитъ моего намѣренія, а я тѣмъ же Богомъ засвидѣтельствуюся, что не желалемъ и не хотѣлемъ Христіанскаго кровопролитія, но постановилъ былъ у себе въ намѣреніи, пришедши въ Батуринь съ королемъ Шведскимъ, писать до Царскаго величества благодаретвенный за протекцію его листъ и въ немъ выписать все наши обиды преждіе и теперешніе, правъ волностей отятіе, крайнее разореніе и предуготованную всему народу пагубу, а наконецъ приложить, что мы какъ свободніи подъ высокoderжавною царскаго величества руку для пра-

вославною Восточнаго единовѣрія приклонилися, такъ, будучи свободнымъ народомъ, свободнѣ теперь отходимъ, и за протекцію царскому величеству благодарствуя, не хотимъ руки нашей на кровопролитіе Христіанское простирать, но подъ протекцію короля Шведскаго совершеннаго нашего освобожденія будемъ ожидать, которое онъ Мазепа (яко самъ сказывалъ) надѣялся не войною, но покоемъ, черезъ трактатъ получить, и будто хотѣлъ короля Шведскаго всякими способами до тогожъ съ царскимъ величествомъ покою преклонять. — О безумія! А потомъ тые слова сказалъ: »уже теперь въ нынѣшнемъ нашемъ нещасливомъ состояніи всѣ дѣла иначе пойдутъ, и Украина Батуриномъ утраченная бояться будетъ едно съ нами держать. Велѣлъ однако, по прошенію полковниковъ, універсалы свои въ города писать и выписать въ нихъ причины, для якихъ онъ, отступя отъ царскаго величества, одѣйшолъ въ протекцію короля Шведскаго. А прибывши до села Бахмача, першъ самъ публично на Евангеліи святомъ присягъ предъ всѣми егеральною старшиною, полковниками, сотниками и знатнымъ товариствомъ, что онъ не для приватной своей ползы, но для общаго добра цѣлой отчизны и Войска Запорожскаго принялъ протекцію короля Шведскаго; потомъ всѣмъ егеральной старшинѣ, полковникомъ и сотникомъ и всему знатному товариству казалъ присягъ на вѣрность къ себѣ и натуужъ короля Шведаго протекцію. —

А что онъ Мазепа, въ тѣхъ же своихъ універсалахъ, велѣлъ приложить, будто онъ отъ зычливыхъ себѣ съ министровъ царскаго величества пріятелей мѣлъ перестороги, тоя вашей святинѣ истинѣ подъятвою душевною объявляю, что жаденъ съ министровъ ани о измѣнѣ его Мазепы не вѣдалъ, ани его ни въ чомъ не перестерегалъ, но такимъ образомъ тое дѣялося, яко съ тою реляціи вырозумѣешь ваша святыня. —

Посылалъ онъ Мазепа съ Борзны до двору царскаго величества въ Глуховъ съ писмами канцеляристу войскаго Болбота, по котораго отутуду возвращенію объявлялъ намъ всѣмъ, будто единъ съ министровъ царскаго величества, а другіи съ канцеляріи истиннии его пріятели, черезъ того жъ канцеляристу Болбота перестерегали его Мазепу, чтобъ до двору царскаго величества не ѣхалъ, но паче своей и цѣлаго народа Малоросійскаго цѣлости всякую усмотрилъ охорону и старался, дабы всякъ, хто что мѣетъ, въ безопасныхъ мѣстѣхъ въ землю закопалъ, понеже въ такомъ состояніи, не надѣяся въ Украинѣ жаднаго постоянства, царское величество намѣренъ есть и о Гетману и о всемъ народѣ вещь якусь противную устроить. И будто тотъ же министеръ и нхтось зъ

канцеляріи через тогожъ канцеляриста Болбота обовизали его Мазепу совѣстію, дабы о той ихъ пересторогѣ никто не вѣдалъ. Реляція тая Мазепы устрашила насъ всѣхъ, который напотымъ и унѣверсалами своими велѣлъ тоежъ предъ народомъ оголосить, но солга неправду себѣ, яко миѣ послѣжде, въ 1714 году, тая его хитрость и предѣсть открылася такимъ способомъ. Когда покойникъ король Шведскій съ Турецкой земли черезъ Мултанскую путь свой до Помераніи управлялъ, а я, послѣдую его величеству, вступилъ въ духовномъ дѣлѣ до Букурешть, — знайшолъ тамъ канцеляриста Болбота, готующагося въ монастырь на монашеское житіе, съ которымъ черезъ два дни тамъ конвερсуячи и о измѣнѣ Мазепы, такожде и о нещастіи нашемъ дискуруючи, воспоминаемъ между иными вещами и о той пересторогѣ, пытаемъ его: если то была правда? который подъ совѣстію объявилъ миѣ, что Мазепа, посылая его въ Глуховъ до двору царского величества самъ единъ на единѣ, приказывалъ ему, чтобъ всячески тамъ старался довѣдатца, якъ о немъ розумѣютъ и для чого указы засылаютъ, чтобы до двору ехалъ. Где онъ Болботъ, по указу Мазепы, о всемъ томъ провѣдывалъ, но ничего ни отъ кого противного о немъ не слышалъ о вашемъ князѣ. Григорій Федоровичъ Долгорукій истиннымъ сердцемъ чрезъ его-жъ Болбота совѣтовалъ ему Мазепѣ, чтобъ ничего не опасаяся, якъ наискорѣй ѣхалъ до двору, представляя и душу и совѣсть свою въ закладъ ему въ томъ, что царское величество ни единого сумнѣнія о его вѣрности не имѣетъ и не слухаетъ никого, если кто о немъ плутаеть. Тое жъ самое и секретарь Ореховскій о неизреченной царского величества къ нему Мазепѣ сказывалъ предъ Болботомъ милости, равной или болшой еще, нежели къ князю Александру Даниловичу, и совѣтовалъ, чтобъ жители Украинскіи опасны были отъ Шведскихъ хитростей и животы свои въ землю закопывали, или на иныхъ мѣстѣхъ непроходныхъ хранили, понеже Шведы всюду цѣлостію добръ и всякихъ прибытковъ въ унѣверсалахъ своихъ народы обиадеживаютъ, а обиадеженныхъ потомъ рабуютъ и все граблятъ. — Но тое все Мазепа иначе перевернулъ и для прелщенія першъ насъ словесно говорилъ и Болбота тое жъ сказывать присягою обовизалъ, а потомъ, для устрашенія и возмущенія народа, унѣверсалами публиковати повелѣлъ.

Тое все отъ начала даже до конца измѣны Мазепиной праведнѣ предъ вашею святынею, аки предъ самымъ испытующимъ сердца и утробы Богомъ, подъ тайною исповѣди пязвяю, неправду аще подѣрѣхъ въ сердцу моемъ, да не услышитъ мене Господь.

Розсудишь убо, ваша святыня, съ тоей моею реляціею высокими сво-

имъ разумомъ, якая моя большая вина на иныхъ и естли я въ томъ прегрѣшилъ, что по случаю черезъ подсланный Станислава листокъ тайну факціи Мазениной предъ тымъ отъ мене сокровенную изслѣдовавши и обовязаннымъ отъ его до додержанія секрету будучи, тое учинилъ, что мнѣ мой властелинъ повелѣвалъ, то я тымъ самымъ самъ единъ ему Мазепѣ не моглемъ быти оказією до измѣны, и до отшествія въ противную сторону, а ни онъ самъ Мазепа дерзнулъ бы съ едною моею головою одѣйти, естли бы прочіи съ енеральной стороны, обозный енеральный Ломѣковский, и съ полковниковъ — Миргородскій, Прилуцкій и Лубенскій до той его факціи не присовокупились, яко нервѣйшии и начальнѣйшии въ Войску Запорожскомъ особы, и за собою старшины своей съ полками своими не потагнули и тѣмъ его Мазепу въ зломъ намѣреніи не утвердили.

Вѣдалемъ я о той тайнѣ, по случаю мнѣ откровенной, принужденный былемъ указомъ и страшною Мазепы присягою, а до того и прелестми взаимнѣ присягнуть на вѣрность, не открилемъ никому тайны, сохранялъ я неврежденнѣ вѣрность, яко слуга пану, яко иноземецъ и креатура своему благодѣтелю, и долженъ былемъ тое сохранить, понеже натура мнѣ тое сама съ предковъ моихъ дала не быти прилателемъ, и всякому надъ собою властелину вѣрнымъ быть; дозналъ того по мнѣ вѣчно достойныя памяти король Шведскій, для чого отъ его былемъ и почитаемый и любимый. Я убо единъ иноземецъ тайну тую вѣдалъ, и единъ я не могъ никакого вреду царскому величеству здѣлать, бо unus-nullus; для чого жъ прочіе Украинскіи сыны, ревностное отчизны своей псчадіе, царского величества вѣрныи съ отцевъ своихъ подданныи, тайную тую сами изслѣдовали, изслѣдовавши для чого не открили, но паче оную присягою своею подтвердили и до крове при Мазепѣ за права и волности стоять цѣлованіемъ Евангелія святого обовязались? Благопривѣтствую убо имъ полученной милости монаршой и не завѣдую такого щастя, токмо надъ нещастемъ своимъ уболѣваю, что я единъ одерженъ есмъ отъ лица помазанника Божія, изгнаніе съ фамилією моею стражду, не имѣя града пребывающаго. Старалемъся о милосердіи царского величества черезъ святѣйшого патріарху Іеросалимского, черезъ блаженныя памяти господаря и воеводу Мултанского, Константина, черезъ Константина и Михаила Кантакузиновъ, но въ томъ моемъ стараніи, суетные мои были труды. Теперь убо отчаявся въ людской помощи, всякія надежды единого ходатая Богу и человѣкомъ царя царствующихъ, Христа Господа, до христа Господня царского величества представляю,

той за мною воиетъ на крестъ: *отпусти*. Той, милосердствуя о грѣшникахъ, до милосердія возбуждаетъ сердце монаршее; будѣте милосердны, якоже и отецъ вашъ небесный милосердъ есть, той и наказуетъ и устрашаетъ: аще не отпустѣте челоуѣкомъ согрѣшенія ихъ отъ сердце вашихъ, ниже Отецъ Мой, Иже есть на небесѣхъ, отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ. Петру повелѣнно до седмъ десять крѣтъ седмицею отпущати согрѣшающимъ. Вѣрую, яко повелѣнное исполнить милосердное сердце Петрово. А вашей святыни покорно прошу, аще можеши, помози мнѣ по древней своей милости и отческой любви, которой себе навсегда вручаю.

1/12 Іюня 1721 г.

вашой святыни нижайшій слуга

Idem qui pridem.

II.

ПИСЬМО МАЗЕПЫ КЪ ПЕТРУ I, ПРИСЛАННОЕ ОРЛИКОМЪ.

(1707.)

Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій царь государь мой всемилостивѣйшій.

Уже то вторично постигаетъ мене искушеніе отъ Станислава Лещинскаго въ прелѣстныхъ его писмахъ. Первое зъ подъ Варшавы, когда я на службѣ вашего царского величества подъ Замостемъ въ 1703 году составляемъ (якіе писма тогдыжъ одослалемъ вашему царскому величеству до Гродни), а нынѣ другое въ Кіевѣ, въ подосланомъ тайно отъ его-жъ Лещинскаго маленькомъ листку. Я убо, вѣрный вашего царского величества подданный, пребывая аки столпъ непоколебимый въ истинной моей непоручимой вѣрности, яко издревле и блаженной памяти родителю вашего царского величества, великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, и брату вашего жъ царского величества, великому государю царю и великому князю Оеодору Алексѣевичу, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, тако и нынѣ и у вашему царскому величеству, щастливе и всемилостиво намъ государствующему

всероссійскому монарху, не восколѣбаемся досели толь многими прелесныхъ вѣтровъ бурями и волнами, которые устремлялися на м не, то отъ короля Польскаго покойнаго Яна третега, то отъ хана Крымскаго Салимъ - Кгерей, то отъ Донскихъ козаковъ, то послѣды и отъ Станислава Лещинскаго; а яко прежде сего, всѣ тые лестные, прелестные и враждебные писма, являя мою тужде непреодоленную всякими вражѣими навѣты, ухищренми и изобрѣтеніями, вѣрность, посылаемъ вашему царскому величеству, тако и нынѣ послѣдній Лещинскаго листокъ, для вѣдома хитростей и прелестей его, вашему царскому величеству посылаю, и покорнѣ прошу, дабы ваше царское величество въ непремѣной своей монаршей милости и призрѣнію мене, гетмана, вѣрнаго своего подданнаго, изволилъ сохранять, его-же высокодержавную десницу съ доземнымъ поклоненіемъ лобызаю и пребываю непремѣннѣ.

Вашего царскаго величества вѣрный подданный,
слуга наинижайшій Иванъ Мазепа гетманъ.

съ обозу подъ Кіевомъ
Сентября 17-го року 1707.

III.

ПЕРЕВОДЪ ПИСЬМА ЛЕЩИНСКАГО КЪ МАЗЕПѢ (¹).

По наслѣдственной нашей къ знатному народу Запорозскому благосклонности, благовременно вамъ, вельможной господинъ гетманъ, напоминаемъ, дабы вы всѣхъ преславныхъ и вольныхъ козаковъ предостерегли, дабы вскорѣ къ намъ, какъ къ наслѣдственному государю своему, приступили и приходили. Такимъ образомъ, мы моглибы упредить опасности, которыя могутъ воспослѣдовать; мы же тотъ народъ всегда готовы отечески принять и удовольствовать. 15-го августа 1707 года.

Станиславъ король (М. П.)

(¹) Подлинникъ начинался такъ: Z dziedzicznego naszego ku zasneemu narodowi, п. т. д.

ВАРОЛОМЕЄВІ ШЕВЧЕНКОВІ,

(на ёго звістку, що заспокоїв працю свою старістю).

(Вароломій Шевченко така людина, що нею можна похвалитись передь усіма земляками. Вікупивсь вінъ изъ кріпацтва ще замолоду, продавши всю свою мизерню до-щенту. Зробивсь вінъ вольнимъ и вбѣгимъ, мовъ той Лазарь, та й почавъ працювати веселимъ дѣхомъ изнѣву. Поборѣвъ кріпацтво поборѣвъ и другу невѣлю — убѣжество. Ще жъ сѣго мало: набравшись за свого важкого життя всѣкого лиха, набравсь и розуму не абі-якого. Вийшовъ зъ ёго чоловікъ якъ слѣдъ письменний и тамущий. Спізнавшись изъ нимъ, ми побраталсь постаросвѣцькій козацькій.)

Нема въ свѣті, рідний брате,
Якъ свой хатіна!

Поживѣ въ теплі, въ затишку
Вся твой родіна.

А якъ ще коло хатіни
Та й млинѣкъ на Рѣсі, —
Спи собі тоді безпѣчне
Підъ негоду, въ прѣсі!

А прокинувшись, дивіся,
Якъ дівѣра грає;
Слѣхай, сѣрцемъ веселіся,
Якъ стара співає.

Нехай славить дівѣ дівне —
Красоту дівѣчку,

Щобъ згадавъ ти тёплимъ сёрцемъ
Вёсну парубоцьку.

Нехай славить Бóже свято —
Любоощі-кохання,
Щобъ душі твоїй приспíлось
Давне женихання.

А підъ співн зростуть діти,
Якъ рожеві квіти.
Ви давайте їмъ науку,
Якъ у світі жити.

Въ світі жити — не тужити,
Хліба заробити,
Не боятись наступити
На тернові віти.

Не самі квіткї зривати
По гаяхъ, по полю: —
Чёснимъ пото́мъ ви́робляти
Изъ невóлі волю.

Працювали, добували
Хліба ви свято́го
За первоцвіту-кохання
Віку молодóго.

На стерніну и терніну
Сміливо ступали,
А квітками передъ міромъ
Голову квічали.

И слёзу, и піть кривавий
Відъ людéй таїли, —
У знева́гу не давали
Молодо́ї сил.

Ой велика сила въ серці,
 Що кохати вміє!
 И недоблю, и невоблю
 Вона подоліє.

Нема́ сили въ Божімъ мірі
 Надъ святе́ кохання:
 Вонó рóбить изъ невоблі
 Чесне панування.

II. Кулішъ.